

АЛЕКСАНДРА ПЛЕН

ЗАХВАТЧИК

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
МИР «КОРОЛЕВСКОЙ ШКОЛЫ»

Александра Плен
Захватчик. Часть 2

«Александра Плен»

2026

Плен А.

Захватчик. Часть 2 / А. Плен — «Александра Плен», 2026

Ария Марта Хорн. Кто она настоящая? Ослепительная красавица, редчайший цветок Альтеи, богатейшая наследница, «глас короля», подруга королевы? Или женщина, забывшая, что значит быть женщиной, работающая на износ, не доверяющая людям, чья душа покрыта шрамами? Ей придётся сделать выбор — выйти замуж по расчёту за того, на кого укажет монарх, или довериться сердцу и шагнуть в неизвестность. История дочери Денизы Крей из «Королевской школы».

© Плен А., 2026

© Александра Плен, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александра Плен

Захватчик. Часть 2

Глава 1

Ремо поступил, как настоящий стратег.

Первое: он сообщил о войне всем и сразу. Телеграмма пришла не только в секретариат дворца. Разные сообщения были разосланы в редакции газет, наместникам провинций, а заодно и в посольства других стран. Тайну уже нельзя было замести под ковёр, нельзя было отозвать тиражи, дать опровержение. Альтея в один день взорвалась новостью. В листовках и прессе повторялось одно и то же: «Ваш король скрывает правду! Боги давно вернулись на землю! Настоящий Ремо прилетел с небес и требует вернуть власть! Только он имеет на неё право. Только он — истинный король!»

Утренние выпуски раскупались вмиг. Народ Альтеи разделился на два лагеря. Одни были в недоумении, страхе, даже в ужасе, другие — радовались, ринулись в Храмы воспевать новое пришествие богов.

Но второе было куда важнее: Ремо не объявлял войну, пока не нарастил силу, не захватил четыре северные провинции. А они по площади тянули на отдельное небольшое государство.

Провинциями руководили в основном «новые» арии, ставшие таковыми недавно. Лишь один аристократ был из старой гвардии — Адриан Нурв, отдавший пришельцу свой Нурви-лейн.

Что Ремо им пообещал? Магию, земли, богатство? А может, просто воздействовал на них своей силой? Никто не знал. Шпионы, весь месяц ездившие по провинциям, ничего не могли сообщить внятного. Они сами узнали о войне, когда та уже была объявлена.

Или же сдача территорий решалась в таких верхах, куда шпионам хода не было, или всё случилось слишком быстро.

Единственное, что они привезли в Шалир наверняка: захват провинций прошёл бескровно.

— Хоть это радует, — грустно улыбнулся Эдвард.

Он сидел в центре зала Верховного суда за первым столом. Обычно это место занимали я и главный судья. Зал был удобен для частных совещаний. Кроме места для обвиняемых, всё остальное пространство было занято круговыми скамьями. Все друг друга видят и ни одна ухмылка не спрячется от всевидящего ока короля — любое движение сразу становилось заметно.

Сейчас на скамьях сидели арии, советники и несколько министров, в том числе министры обороны и тяжёлой промышленности, ведавшие оружейными заводами.

Король выглядел собранным и хмурым. Строгий синий мундир застёгнут на все пуговицы, никаких золотых шевронов и запонок.

— Двадцать пять лет в Альтее не было войн. И раньше все столкновения происходили на чужих территориях. А сейчас враг пришёл в наш дом, прокрался, как вор, обманом и подлостью захватив северные провинции...

Его величество говорил правильные вещи. О чести, достоинстве, патриотизме. Он был убеждён, что Ремо воздействовал на ариев своей силой и заставил их подчиниться. Советники согласно кивали. Кто-то даже шлёпнул ладонью по столешнице в знак одобрения. Слова Эдварда звучали веско и серьёзно — так, как и должен говорить король в начале войны.

Но я-то видела, что многие из сидящих неискренны. Что теперь, когда пришелец один и им не грозит лишиться своих богатств и земель, они прикидывали, на чью сторону выгоднее

встать. Да, это касалось в основном новых семей, но и их было немало. Пока Эдвард говорил, по кругу уже поползли приглушённые перешёптывания.

От сидевшего на нижнем ряду передо мной ария Свена донеслось едва слышное:

— Мне без разницы, какой из Ремо будет сидеть на троне. Все они одинаковые.

— Но Эдвард-то хотя бы свой, — ответил ему Корвин Верт, — а от нового неизвестно чего ждать.

— Это их месть. Пусть сами разбираются...

Лжи я в их шёпote не слышала.

— Сейчас он воздействует на людей чужеродной, бесчеловечной магией, подчиняет их своей воле, лжёт, манипулирует, завлекает... — продолжал вещать король. — Я уверен, что ни Нурв, ни Реми по своей воле никогда бы не предали Альтею...

Обман и подлость — вещи спорные. Применять магию — обман? Добиваться правды в суде — обман? Использовать заклинание «*таро*» на встречах дипломатов, развязывая им языки — обман? Тогда я — первый обманщик в Альтее.

Я криво хмыкнула в сторону. Двойные стандарты, как есть. Даже эхом своих способностей Его величество иногда продавливал непопулярные законы в Совете. Не только министры ощущали тяжёлую ауру Ремов, но и я. И лишь одно желание было в голове — поскорей закончить заседание и убежать из зала. А что было бы, если бы Эдвард владел своей силой в полном объёме? Не думаю, чтобы он хоть раз, хоть единожды не использовал её, «бесчеловечную и чужеродную».

— Север нужно отбивать немедленно, пока Ремо не успел закрепиться, — слово взял министр обороны, генерал Майо. — У нас есть армия, пушки, мушкетеры, бронированные автомобили...

По скамьям прошёл одобрительный гул.

— Да! Пока он слаб, нужно идти в бой! — поддержал его Алан, порывисто вскочив на ноги. Он сидел недалеко, на одной лавке со мной, справа. Повернувшись, я увидела его вспыхнувшее лицо.

«Ну да, — подумала я, — огнестрелы держат в руках солдаты, за рулём автомобилей тоже сидят люди. А сила Ремо, как раз и воздействует на людей».

— Мы даже не знаем, на что он способен, — произнесла я со своего места, не вставая, — как бы не оказалось, что мы сами приведём к нему и гвардию, и оружие.

Алан обиженно на меня посмотрел. Не думает же он, что наша дружба предусматривает моё безусловное согласие с его словами?

— Он не сможет подчинить себе тысячу человек. Две тысячи, три. Это никому не под силу, — отрезал холодно Эдвард, с неудовольствием бросив на меня предупреждающий взгляд: «Не лезь».

Похоже, королю сейчас важнее успокоить Совет и поднять боевой дух, чем признать реальное положение вещей.

— Мы имеем дело не с армией богов, а с одиночкой, — продолжал Его величество. — Он один, понимаете? Один посреди чужой цивилизации, незнакомого ему мира. Да, он применил силу, подчинил двадцать ариев. Но это был максимум, на что он способен. Если бы он был так уверен в своём даре, то не сбежал бы из дворца, а захватил бы его ещё тогда...

Король говорил, а я с трудом сдерживала тошноту. Опять притворство, опять лицемерие. Боги, как же я устала от всего этого! От выверенных словечек, этой двусмысленной манеры лгать обтекаемо.

Его величество закончил. Стоило признаться, что его слова оказали воздействие. Арии успокоились, повеселели, расправили плечи. Отовсюду слышалось: «действительно, что ж мы так испугались?», «он же один», «мы сильнее», «наша армия победит» ...

— Прежде чем вести солдат на север, стоит понять, чего именно он хочет, — встал, пожалуй, самый разумный советник — арий Ките. — Если провинции сдались без боя, возможно, ещё не поздно договориться. Ты прав, он один, зачем ему вся Альтея?

Эдвард покраснел от гнева.

— Он хочет мести! — рявкнул зло. — Ремо это ясно дал понять, оставив послание в саду!

Перевёл взгляд на Ките и отчеканил:

— Переговоры? О чём? Может сразу отдать ему корону и дело с концом?

Ките, поморщившись, сел. Было ясно, что договариваться король не желает. Я и сама понимала, что надежды на мирное разрешение конфликта нет. И не из-за Эдварда, а скорее, Ремо сам не захочет. После разрушения нами маяка ждать от него понимания было бы наивно.

— Гарнизоны на севере были сокращены до минимума ещё при вашем отце, — отчитался герр Нозик, — так как с севера Альтею окружает неприступная гряда скалистых гор, опасности с того края мы никогда не ждали.

— И это плюс, — перехватил слово министр обороны, — в распоряжении Ремо мало солдат. Но любая пауза даёт ему новых союзников.

Неужели генерал Майо выступает за наступление? Ни он сам, ни большинство его офицеров войны не видели. Последний настоящий главнокомандующий, герр Канде, воевавший с Фракрией, ушёл в отставку десять лет назад, а вместе с ним из армии ушёл и реальный боевой опыт. Сам Майо родился в семье ариев (точнее, ариями они стали после того, как королева пожаловала им титул), до сих пор не женат, без детей, решил не основывать свой род, а сделать карьеру военного. Его старший брат, Шэрон Майо, принявший сан ария, жил в своей провинции на юго-востоке и почти не появлялся в столице.

— А как реагируют простые люди? — поинтересовался Дарий Зорг, — они сопротивляются? Напуганы? Рады?

Хороший вопрос. Я сама заинтересованно уставилась на стоящего по струнке герра Батора, начальника королевской тайной службы.

— Мне показалось, что им всё равно, кто у власти, — честно ответил он арию Зоргу.

Эти слова никому не понравились, но возразить было нечего.

Говорила я Его величеству, что нужно больше влиять на жизнь простых крестьян, ездить по провинциям, разговаривать с людьми, поднимать собственный авторитет. С другой стороны, в сутках ограниченное количество времени и его постоянно не хватает. Куда уж путешествовать.

— Все свободны! — Его величество встал, — кроме министра обороны, герра Батора и моего секретаря.

Я вздохнула, с лёгкостью догадавшись, что за решение принял король. Эдвард всегда так делал. Соберёт Совет, выслушает все стороны, но примет тот вариант, который уже оформил в голове.

— Я требую ареста семьи Нурвов, как предателей короны! — вдруг крикнул арий Юлий Шанк.

Арии переглянулись. Все знали, что Шанки и Нурвы много лет делят серебряное месторождение на общей границе и ненавидят друг друга с редким постоянством. Споры не утихают много лет. Раньше, до того, как Лия нашла Шанкара в Восточном Сарахе и пригласила в Альтею, карьер полностью был во владении Нурвов, так как соседнее поместье пустовало. После обретения титула арий Шанк сразу же потребовал отдать ему всё, что Нурвы наворовали за столетия. Адриан отказался — вас тут не было, рудник был ничейным. Юлий подал в суд. И пошло поехало...

— Арестовать не представляется возможным. Все Нурвы покинули Шалир ещё месяц назад, — отчитался герр Нозик, погасив зарождающийся конфликт.

— Кто бы говорил, — раздался голос ария Умара, — твой сын до сих пор сидит под охраной и твердит «Ремо — наш истинный король».

— А твой освободил Ремо из тюрьмы, — не остался в долгу Шанк.

Грызню между ариями король погасил одним веским: «Все вон!».

На самом деле, Ремо сбежал сам, но Эдвард не стал озвучивать ариям эту информацию. То, что пришелец в некоторой степени владеет всеми видами магии напугало бы Совет окончательно.

Алан догнал меня в коридоре и пошёл рядом.

— Я не обвиняю тебя в трусости, — снисходительно сказал он, — все девчонки против войны.

Я уставилась на принца в полном недоумении. Назвать меня девчонкой мог бы только совсем не знавший меня человек. Наивной куколкой я перестала быть в четырнадцать лет после той публичной казни и долгого разбирательства, что за ней последовало. Да и в малодушии до сегодняшнего дня никто не упрекал. Его слова были настолько абсурдны, что вызывали не обиду, а глухое раздражение.

— Война — это прежде всего смерть, — холодно ответила я. — А ты, как будущий король, должен понимать невосполнимость утраты каждого человека. Он не родит детей, не вспашет поле, не придумает новый двигатель, не напишет книгу...

Алан надулся. Ему явно надоели мои лекции о ценности жизни; он хотел слышать звон стали, а не рассуждения об экономике и демографии.

— Иногда люди должны умирать за свою страну, — отрезал он. Голос стал жёстким, чужим. — Или ты предлагаешь просто отдать Ремо север? А затем и Шалир?

— Нет, конечно, — устало вздохнула я, — я предлагаю просто не пороть горячку.

Он резко остановился посреди коридора, заставив меня тоже замедлить шаг и поднять на него глаза.

— Ты всегда так говоришь... — процедил он сквозь зубы, подходя почти вплотную. — Будто только ты одна видишь истину, одна права. Но не забывай, ты всего лишь ария. А я — наследник престола. И твой дар мага не делает тебя выше короны.

Я неверяще моргнула. Что это было? Даже король никогда не позволял себе подобных намёков.

— Тогда перестань размахивать титулом, словно ребёнок деревянной саблей, — отчеканила я ледяным тоном.

Лицо принца перекосило. Очередной укол в сторону нашей разницы в возрасте стал последней каплей — с него слетела вся показная выдержка.

— Я не ребёнок! — заорал он. — Я — мужчина! Почему ты не видишь этого? Я сам поведу войска на север! Лично обнажу меч, если мой отец окажется слишком труслив!

Вот оно что. Он пошёл за мной не спорить о стратегии. Он хотел, чтобы я увидела в нём личность. Мужчину. Смелого, решительного, покрытого шрамами героя, достойного восхищения. Возможно, даже любви той, кто стояла сейчас перед ним.

— И что дальше? Мне упасть в обморок от восторга?

— Хотя бы раз посмотри на меня не как на сопливого мальчишку! — потребовал он, делая еще один шаг ко мне. Теперь нас разделял лишь тонкая полоска воздуха.

Я осталась стоять на месте, не дрогнув и не отстраняясь. Я не боялась внезапного поцелуя — Алан слишком принц и слишком уважает меня, чтобы позволить себе низость.

— Тогда не веди себя, как мальчишка, — выдохнула ему прямо в губы.

Принц вздрогнул. Его взгляд судорожно заметался между моими губами и глазами, выдавая борьбу с самим собой. В силу своего возраста он пока не мог скрыть от меня ни мучительную жажду, ни уязвимость перед собственным желанием. Его кадык дёргался, словно он постоянно сглатывал.

Наконец, он шагнул назад.

— Ты невыносимо жестока, — произнес он с болью в голосе.

Я горько улыбнулась.

— Мне говорили...

Развернулась и пошла дальше по коридору. На этот раз он меня не остановил.

И что это было? Я шла и прокручивала в памяти наш разговор. Принц не мог не знать, что его обвинения в трусости меня заденут и унижат. Мы всё-таки не первый год знакомы. Раньше Алан никогда не провоцировал конфликты. Даже если между нами случались споры, он всегда первым шёл на примирение. Мягко, терпеливо, обезоруживающе доброжелательно.

Я так привыкла к этой его легкости, принимала её как данность, что ни разу не задумалась: а настоящая ли она? Не маска ли это? Не игра ли в «хорошего парня», чтобы я продолжала им восхищаться? А сегодня эта маска дала трещину, и под ней оказался совсем другой человек — уязвленный, ревнивый, опасный в своей обиде. Тот, кого я совершенно не знаю.

Вдруг я остановилась, словно налетела на невидимую стену.

Какая же я дура.

Я ведь сама не раз говорила, что все Ремо одинаковые, манипуляторы, интриганы, отточившие свои умения за века до мастерства. Так с чего решила, что Алан — исключение? Что он может быть по-настоящему мягким, терпеливым, уступчивым? Он же Рем. Тот, кто привык добиваться своего.

Неужели всё это время он просто подстраивался под меня? Выжидал? А теперь, поняв, что прежняя линия больше не работает, решил сменить тактику?

Я даже невольно восхитилась — вот ведь хитрец! Истинный сын своего отца. Правда, пока недостаточно убедительный: король всё-таки не отпустил кронпринца на передовую. Вместо него к захваченным провинциям двинулся генерал Майо с элитным корпусом гвардии в количестве тысячи бойцов. Чтобы ускорить переброску войск, две бригады вместе с бронированными мобилями и тяжелым снаряжением отправили по железной дороге.

Тысяча против одного человека. И я совсем не была уверена в том, что их будет достаточно.

Дворец со всеми его обитателями замер в ожидании. Даже слуги ходили тише обычного. Эдвард почти не покидал своих апартаментов. Похоже, он и сам уже не был до конца уверен, что поступил правильно, решив сыграть на предполагаемой слабости пришельца.

В Шалир приехал мой отец. Мама с маленьким Эриком остались в Фабрии, слишком опасно было брать ребёнка в дорогу. Папа собирался забрать нас с собой, подальше от столицы, над которой уже нависла война. Тимур, к моему удивлению, почти сразу согласился увезти семью. Я — нет.

— Во-первых, я постоянно проверяю ариев на искренность, — сказала я. — А, во-вторых, я нужна королю здесь.

Да, папа мог бы настоять. И я, как любящая дочь, скорее всего подчинилась бы. Но он не стал. Только внимательно посмотрел мне в глаза и тихо произнёс:

— Как быстро ты выросла...

В его голосе я услышала уважение.

В Шалире отец пробыл всего полдня. Тимур уехал к себе — собирать вещи и готовить отъезд семьи, — а мы остались поговорить наедине.

Он стоял у окна и смотрел на молодые деревца в королевском саду.

— Боевого опыта у нашего короля почти нет, — сказал он с кривой усмешкой. — Но в главном Эдвард прав. Если не попытаться решить вопрос быстро, дальше станет только хуже. Ремо обживётся в нашем мире, нарастит силу, у него появятся союзники... уже появляются.

Отец помолчал и добавил серьезнее:

— Другое дело, что против дара Ремо контролировать разум королю нечего выставить. И он это понимает.

— Как ты думаешь, что будет? — осторожно спросила я, боясь даже мысленно представить худшее.

Отец отвёл взгляд от окна.

— Эдвард не прав. Ремо незачем подчинять всех солдат, достаточно подчинить командиров. Или даже одного — генерала Майо. И всё, битва выиграна. Солдаты не пойдут против приказов. Так устроена армия. Дисциплина держит солдат на месте, когда им страшно, ведёт их вперёд в атаку. И она же заставит их подчиниться, если будет отдан приказ сдаться.

Я опустила взгляд. От его слов по спине пробежал холодок.

— Это не жестокость, Марти. Это военный порядок. На нём держится всё. Это и сила, и слабость любой армии.

От его слов стало совсем плохо. Сейчас Ремо представлялся мне уже не человеком, а силой — слепой, безумной, несущейся вперёд без остановки, как мобиль с отказавшими тормозами.

Я помнила его холодным и высокомерным, помнила весёлым и живым, помнила страстным и искренним. Но я никогда не видела его *новым*. Тем, кем он стал после того, как мы вместе уничтожили маяк — мстительным, злым, переполненным ненавистью.

Испугаюсь ли я его? Почувствую ли отвращение? Или это будет чистый страх?

Сейчас ответа нет. Я пойму это только при встрече.

А в том, что встреча неизбежна, я уверена на сто процентов. И, кажется, именно поэтому я так отчаянно не захотела уезжать из Шалира. Мне нужно своими глазами увидеть эту его новую версию.

Отец уехал. Тимур с семьёй тоже. Закрыв особняк, выдал слугам жалование на год вперёд и отправил по домам. Полин и Анна на моё предложение покинуть Шалир всплеснули руками.

— Кто вас кормить будет, ария Хорн! — воскликнула повариха, потом грустно улыбнулась и уже серьёзнее сказала: — Да и некуда мне ехать, все мои на ближайшем кладбище лежат.

И пусть Шалир от пришельца отделяли ещё тысячи миль, пять провинций и армия генерала Майо, столица погрузилась в траур, словно Ремо уже стоял на пороге.

В напряжённом ожидании прошла неделя, затем и вторая. Неудивительно — расстояния-то огромные, тяжёлая техника передвигается медленно, армию нужно разместить и подготовить... И вдруг, как гром среди ясного неба: Майо переметнулся на сторону пришельца, поклявшись служить ему верой и правдой. Гвардейцы, само собой, перешли вместе с ним.

Как и предрекал отец...

Телеграф молчал. То ли перерезали линии, то ли станции уже были под контролем Ремо. Новость принесли в Шалир двое дезертиров. Как так получилось, что они отстали от армии — дело тёмное. Может, сбежали раньше, может, не подчинились приказу Майо после. В любом случае их ждал трибунал.

Я прямо слышала насмешливый голос отца, комментирующий это:

— Я же говорил. В любом случае виноват солдат. И его будут судить за то, что дезертировал, самовольно ушёл из роты, не подчинился приказу. А если бы сдался, то в армии пришельца стало бы на одного солдата больше.

Нелепые жестокие законы.

— Если бы они хотели просто сбежать, то не пришли бы в Шалир! — доказывала я Эдварду, — а просто затерялись бы на просторах Альтеи. А они принесли ценные сведения, как ты можешь их судить! Если хочешь, я проверю их на честность.

Король поморщился:

— Сейчас не до них. Пусть вину определит суд. — Он помолчал и добавил с надеждой: — Кстати, ты уже готова работать в полную силу?

Я ответила непонимающим взглядом.

— У тебя появился якорь? Демис ведь приглашал тебя на свидания? Ухаживал? — От неожиданности я онемела. Монарх истолковал мое молчание по-своему и продолжил: — Мне нужен твой дар, Марти. В это непростое время он жизненно необходим, но без якоря я не могу задействовать тебя полностью.

— С какой стати Шардену приглашать меня на свидания? — осторожно уточнила я.

Его величество недовольно прищёлкнул языком и буркнул в сторону:

— Так и знал, что на него нельзя положиться... Я дал ему должность замминистра в ответ на обещание за тобой ухаживать. Но в этом, судя по всему, он не преуспел. Зато преуспел в работе. В земледелии ему нет равных, даже я признаю.

Я вышла из кабинета короля в полной растерянности. Нет, гнева не было. Характер короля я знала хорошо. Его манипуляции, уловки, интриги я изучила на собственной шкуре. Но Демис... Он действительно согласился на это предложение?

С другой стороны, он сам мне говорил, что сделал бы что-угодно, только бы ещё раз меня увидеть. Ни лжи, ни притворства в его словах я не услышала. Да и будь всё лишь ради должности, после моего отказа он не отступил бы так легко, а продолжил бы настойчиво добиваться своего.

После допроса дезертиров на стол королю лёг полный отчёт. Он созвал нас для внеочередного совещания.

— Ты была права, Марти. Мы сами подарили ему армию со всем вооружением в придачу, — Эдварду, кажется, стоило немалых усилий произнести это вслух.

Король был раздавлен, совершенно раздавлен.

— Ремо просто подлетел на шаттле в центр армии, завис над мобилем генерала и приказал ему сдаться, — сказал Эдвард глухо, — в шаттл стреляли из орудий, мушкетов, но те даже не поцарапали обшивку.

— Это наша вина, — подал голос Дарий, — если бы мы уничтожили шаттл...

— Он нашел бы другой способ добраться, — отмахнулся Эдвард.

— Зато мы знаем, что тысяча человек для его магии неподъемная тяжесть, — я нашла лучик света в беспросветном мраке. — Он не всемогущ. Не нужно было посылать регулярную армию. Большого эффекта достигли бы, если бы отправили несколько разрозненных тайных отрядов.

— И что бы они сделали, твои отряды? — парировал Алан. — Без связи, без эффективного оружия, без единого командования? Он перебил бы их поодиночке. — Принц бросил на меня победный взгляд.

Я проигнорировала выпад, понимая, что разговор вновь зашёл в тупик.

Ночь я провела без сна. И дело было не в магии — сегодня я к ней даже не прикасалась. Бессонница пришла с другой стороны: слишком много новостей, и все они до боли печальны. Я лежала в кровати, смотрела в потолок и перебирая в голове то, что узнала за сегодня.

Подтверждение моих давних опасений не принесло ни капли злорадства. Да, Эдвард ошибся, но он всего лишь человек, не бог и не всеведущий оракул. Он допускал промахи и прежде. Взять хотя бы историю с назначением меня судьёй после отставки отца. Лишь мой категоричный отказ заставил короля осознать простую истину: пока я остаюсь консультантом и не выношу приговоров, мой дар находится в безопасности. Кто знает, как именно работает формула «убьёшь — потеряешь»? Вдруг для этого вовсе не обязательно держать в руках нож? Возможно, магия сочтет убийством само подписание смертного вердикта или его оглашение.

Эдвард тогда тоже передо мной извинился.

Но это была далеко не единственная ошибка короля.

В памяти всплыл случай девятилетней давности. Я присутствовала на дипломатической аудиенции: посол из Фракрии — точнее, из Ратии, одного из мелких княжеств, оставшихся после войны, — умолял отдать им пустошь Яра. (Эта земля находилась во владении соседа).

Когда делили территорию побежденной Фракрии, Эдвард небрежно провел по карте карандашом, разделив её границы почти вслепую.

Я не слишком хорошо «читала» самого посла, но сказала королю, что его отчаяние абсолютно искренне. Ему была жизненно необходима эта пустошь — до слёз, до истерики. Король отказал. Он решил, что в песках Яра скрыто золото или другие ценные ресурсы, а посол просто алчный негодяй.

Но правда оказалась куда страшнее. Спустя несколько месяцев мы узнали о ритуальном самоубийстве двух тысяч человек. Выяснилось, что для большого племени кочевников пустошь была священным местом — храмом под открытым небом. Всё это время они исправно подавали прошения в королевскую канцелярию, но их мольбы никто не принимал всерьёз. Пока Яр принадлежал старому князю, границы были открыты, он сквозь пальцы смотрел на паломников. Но старый правитель умер. Его преемник отказал верующим, закрыл территорию провинции и пообещал перепахать святыню под сельскохозяйственные угодья.

В последней надежде посол отправился в Шалир. Безуспешно.

Неделю после этого я рыдала без остановки. Винула себя — мне было шестнадцать, я плохо владела магией, не смогла разговорить посла, заставить его довериться мне. А сам он был связан древним таинством — печатью молчания о своём боге.

Эдвард тоже тяжело переживал провал, хоть и скрывал это за маской ледяного спокойствия. Король вызвал секретарей «на ковёр» — тех самых чинуш, которые посчитали письма из побеждённой Фракрии слишком ничтожными, чтобы показывать их монарху.

Их уволили... но две тысячи жизней это не вернуло.

Да, король ошибался. Довольно редко, но эти ошибки не шли ни в какое сравнение с промахами обычного человека. За каждой ошибкой Его величества — множество смертей, колоссальный урон и непоправимые последствия.

Встав утром следующего дня, я увидела «новую» столицу.

Известие о предательстве Майо поразило её сильнее, чем вести о гибели севера. Беда перестала быть призраком — она стала осязаемой катастрофой.

Город лихорадило. Солдаты заплотнили улицы, у казарм с раннего утра выстраивались вереницы подвод с провизией и фуражом. Столица вымирала. Те, у кого были деньги, связи или хоть какое-то место, куда можно было сбежать, спешно покидали город.

Большой Совет распустили. Во дворце остались лишь несколько ариев — самые близкие друзья королевской семьи.

Теперь каждый день мы собирались в кабинете короля, чтобы обсудить свежие новости и выслушать донесения шпионов. Постоянный круг состоял из меня, Эдварда, Лии, Алана, Дария Зорга, Керна Берга и Рогера Ките. Нам очень не хватало Тимура, мамы и папы. Однако Эдвард не стал настаивать на их присутствии в столице. Напротив, сделал официальное объявление: любой желающий может покинуть Шалир, закрыть свои дома и увести семьи вместе со слугами как можно дальше от надвигающейся угрозы.

Мы ничего не могли поставить против силы пришельца, и это убивало.

Глава 2

Демис постучал в мои апартаменты вечером, сразу, как только я вошла в кабинет, словно ждал в коридоре за углом. Я не виделась с ним с того самого памятного обеда, когда стервятники-журналисты подловили нас за поцелуем и растрезвонили об этом на весь Шалир.

Мой бывший жених выглядел безупречно. Сюртук из тонкой шерсти сидел на нём как влитой — несомненно, сшитый на заказ в лучшем столичном ателье. Белоснежная шёлковая сорочка с едва заметной вышивкой вдоль пуговиц, дорогие серебряные часы на цепочке, выглядывающие из кармашка, — теперь никто не посмел бы назвать его нищим выскочкой. Впрочем, всё это я отметила лишь мельком и тут же выбросила из головы за ненужностью.

Если честно, среди урагана последних тревог я почти о нём забыла. Забыла даже признания Эдварда в том, что он специально дал ему должность в обмен на его ухаживания. Всё это казалось пустым и неважным.

«Новая любовь убивает старую?». Я горько усмехнулась, перефразировав слова мамы: «Новые переживания убивают старые». А переживаний у меня сейчас предостаточно.

— Проходи, садись, — кивнула я на стул напротив стола.

Я по-прежнему не участвовала в вынесении судебных вердиктов, не использовала магию сверх необходимого минимума (только чтобы проверить ариев на верность), однако Эдвард позволил мне работать с протоколами заседаний, чтобы я могла делать собственные выводы.

— Его величество распустил правительство, — вздохнул Демис и добавил со смешком: — такой короткой карьеры у меня ещё не было — проработать на должности меньше месяца.

Он старательно делал вид, что всё происходящее — лишь забавная шутка, пытался казаться беззаботным, но я видела правду. В самой глубине его глаз затаились тревога... и вопрос.

И я, конечно же, на него ответила.

— Уезжай из Шалира, Демис, — сказала я ровно. — Ферма твоего отца находится в Маране? Это на востоке, далеко от интересов пришельца. — Я запнулась, подбирая слова. — Сейчас Ремо идет строго на юг. Есть шанс, что восточные земли он не тронет.

Ошиблась. Не тот вопрос был в его глазах. Демис едва заметно поморщился от моей недогадливости.

— Поехали со мной, Марти, — сказал он после длинной, звенящей паузы. Его голос стал тише, твёрже. — Я спрячу тебя. Представлю как коллегу... подругу...

«Невесту», видимо, предполагалось озвучить следующей фразой. Я прервала его взмахом руки.

— Ты думаешь, я боюсь Ремо? Боюсь, что в столице начнётся побоище? — я покачала головой, — нет, Мир не такой. Он не станет бессмысленно убивать людей.

— Вижу, ты хорошо его изучила, — недовольно буркнул Демис, скривившись так, будто имя «Мир» оставляло горький привкус во рту. — Тогда, если в столице безопасно, я остаюсь тоже. Рядом с тобой. И если потребуется — умру за тебя.

Его слова отозвались внутри глухим раздражением. Зачем мне эти нелепые признания? Этот пафос и театральность?

— Уезжай, — ещё раз повторила я. — Мне не нужны ничьи жертвы.

Хотела бы я сказать это мягче, деликатнее, но во мне сейчас не было ни сочувствия, ни жалости. Все они остались в прошлом. А ложной трусостью я никогда не страдала — не умею кромсать по кусочкам там, где нужно отсечь одним ударом.

— Ты жестокая, — голос Демиса звучал глухо. Он развернулся и направился к двери, — впрочем, ты всегда такой была.

Еще один! Они что, сговорились?! Алан, Демис... Неужели моя судьба — разочаровывать влюблённых в меня мужчин?

Несколько секунд я невидящим взглядом смотрела в одну точку, после чего села за стол и придвинула к себе бумаги. Работу никто не отменял.

На протяжении недель мы каждый день собирались в кабинете его величества и спорили до изнеможения. Мы перебирали донесения, чёркали карту, рвали один план за другим — а положение становилось только хуже.

Да, отправка небольших групп шпионов принесла плоды, но весьма скромные. Мы в целом знали, что происходит, но не могли как-то кардинально повлиять на ситуацию.

Тайные агенты докладывали, что Ремо странно себя ведёт. Не различает бедняков и богачей — общается со всеми одинаково, и с солдатами, и с офицерами. Отдаёт противоречивые приказы. Спит то в палатке, то в шаттле, то вообще на земле.

— В одном из сёл ещё год назад обрушился мост через реку, — со смешком докладывал начальник разведки, — так он задержал всю армию на пару дней, чтобы его построить. Говорят, Майо громко ругался.

Эдвард нахмурился.

— Вместо того, чтобы прямо идти на Шалир, Ремо повернул на запад, где есть лишь разрушенный бывший Храм Богов да несколько заводов по производству мушкетов.

Я помалкивала. Пока ничего вон выходящего «странного» я не слышала. Да, он не знает наш этикет, не соблюдает субординацию, не слушает советов генерала — ну и что с того?

— Допустим, он хочет откопать маяк и забрать его, — предложил Берг, — как вариант. Мы не знаем его способностей, может быть он рассчитывает рано или поздно его починить.

Король перевёл взгляд на Дария Зорга. Тот отрицательно мотнул головой.

— Тимур превратил маяк в кусок расплавленного железа. Ему потребуются сотни лет, чтобы его починить.

Его величество задумчиво постукивал кончиками пальцев по столу, обдумывая ситуацию. — Рядом с ним постоянно крутится Итрем, сын ария Умара, — герр Батор продолжил свой ежедневный доклад. — Майо вербует новых солдат, обещает им богатство и славу...

— Может, Ремо двинулся к заводам, чтобы вооружить новых бойцов? — подал голос до этого момента молчавший Алан.

Эдвард едва заметно пожал плечами.

— Я сразу распорядился вывезти из фабрик всё оружие, — сказал он, — если что-то и осталось, то немного.

Сегодня король был особенно рассеян. Его терзали какие-то свои личные мысли, и они не были связаны с сегодняшним докладом.

— И ещё... — вдруг задумчиво сказал начальник разведки, — Ремо окружил себя множеством женщин. Странно, но раньше особой любви к слабому полу за ним не наблюдалось. Шпионы докладывают, что в дома, где он останавливается на постой, приводят самых красивых девиц округи.

— Насильно?! — не удержавшись, воскликнула я.

Смутилась и опустила голову. Действительно, мой выкрик был неуместен.

— Нет конечно, — ответил герр Батор, — девушки сами себя предлагают. Ведь он — бог, спустившийся на землю, новый монарх. Докладывают, что красавицы, дочери купцов, чиновников, даже аристократов толпятся у входа, в надежде перехватить его, как ш... — он запнулся и замолчал.

Мне вдруг вспомнились слова Ремо в поезде, где он смеялся над нашими предками, приводившими дочерей к кораблю богов и умолявшими взять их в жёны. Сейчас происходило тоже самое. Стало до жути мерзко и гадко. «Что ж, — усмехнулась мысленно я, — по крайней мере, теперешние девицы чистые, одеты прилично, и с зубами у них всё в порядке».

— Он ищет якорь, — король медленно поднял голову и посмотрел на меня. — Ты сама говорила, что без якоря менталисты сходят с ума. А в последнее время пришелец часто и много использует дар.

Впервые в глазах его величества зажглись огоньки. Он не то, чтобы повеселел, но взбодрился.

— Ты говоришь, Ремо необычно себя ведёт в последнее время? — Эдвард перевёл взгляд на начальника разведки, тот осторожно кивнул. — Неужели, он потихоньку сходит с ума?

Король улыбнулся.

— Ну... его странности могут показаться странными только нам, сам-то Ремо вполне может преследовать какую-то цель, о которой мы не знаем, — сказал Дарий задумчиво, — плюс, он может сходить с ума долгие годы... опять же, мы не знаем, как скоро это происходит.

Почему-то мне стало не по себе от того, как заметно оживился Его величество, от охватившей его радости, от облегчения на лицах собравшихся. Мы напоминали стаю падальщиков, обступивших раненого хищника: обсуждали, сколько он еще продержится и как скоро окончательно ослабнет, чтобы наброситься и сожрать.

— Но это хоть какая-то надежда, — Эдвард хлопнул ладонью по столешнице, — да, мой отец сходил с ума почти десять лет, но он и не маг, он не использовал магию вообще...

Я перевела взгляд на повеселевшего Алана. Мой добрый честный порядочный друг. Он что, тоже радуется, что Ремо лишится рассудка?

— А вы не допускали мысли, что пришелец всё-таки найдёт якорь среди девушек? — сказала я насмешливо, — ведь у него такой огромный выбор.

Мой голос дрогнул на последнем слове.

Берг и Дарий повернулись в мою сторону, Лия тоже посмотрела внимательно — слишком внимательно. И в их глазах я прочла одну и ту же мысль: будто я... ревную?

— Вряд ли, — ответил Эдвард. — По твоим словам, он сам говорил, что сильному магу нужен столь же сильный якорь: тот, кто будет удерживать его психику от разрушения и гасить вспышки. А сейчас Ремо использует магию без перерыва — война, подчинение... какое-то глупое строительство мостов. Ему нужен якорь высшего уровня. — Король зло усмехнулся. — Провинциальные дурочки без магии для этого не годятся.

Его величество скользнул по мне испытующим взглядом. На одно короткое мгновение я почувствовала себя предметом пристального изучения — драгоценным камнем на витрине, чью ценность и пригодность только что хладнокровно оценили.

— Лишь ты ему подойдёшь как якорь...

Поразительно, как быстро и точно он сделал выводы, имея в распоряжении лишь слова пришельца, брошенные в столовой, и собственные наблюдения. Я ведь не рассказывала королю ни о наших поцелуях, ни о предложении Ремо уйти с ним.

Кабинет погрузился в потрясённое молчание. Алан уставился на меня широко раскрытыми глазами, Берг медленно выпрямился в кресле, а герр Батор, кажется, впервые за всё совещание потерял невозмутимость.

Я почувствовала, как к лицу приливает жар.

— Совет закончен, все свободны, — объявил Эдвард, — Марти задержись.

Я тяжело вздохнула, но послушаться не посмела. После трёх часов заседания хотелось пить, есть, и просто подышать свежим воздухом. Села обратно в кресло и приготовилась слушать. Я была уверена: сейчас король начнёт выпрашивать о якоре.

Ошиблась. Причём кардинально.

— Я должен тебе признаться, — начал говорить Его величество, смотря куда-то в сторону книжных шкафов. — В день, когда вы уехали к маяку, я приказал принести пришельцу яд, подмешанный в ужин. И в еду, и в питьё.

Я потрясённо охнула. Мы уезжали к маяку за спасением, надеясь выиграть время для переговоров, а приговор чужаку *уже* был подписан королём.

— Не думай, что мне было просто приказать убить бога. Ещё и своего дальнего предка. Но благополучие Альтеи выше всего этого. Уничтожив маяк, вы убирали вероятность прибытия к нам его соплеменников, но и Ремо один мог натворить дел.

Эдвард немного помолчал и добавил сипло:

— Как видишь, я был прав.

— Почему он не умер? — спросила я тихо.

— Не знаю. Ужин он съел. Яд был отложенного действия. Я не садист. Ремо просто бы уснул и не проснулся... — Эдвард пощёлкал пальцами. — Может, наши яды на него не действуют, может, у него было противоядие, может ещё что... Следующим пунктом был бы выстрел из мушкета, но он всё понял и не стал ждать — сбежал.

Я не могла обвинять короля. Ему приходилось, и не раз, принимать тяжёлые решения. И не думаю, что все эти решения были бескровными. Год назад состоялся суд над арием Тито. Тот обезумел и устроил в своей провинции настоящий геноцид. Чем ему не нравились юные юноши и девушки? Непонятно. Завидовал их молодости, или сошёл с ума на старости лет? Но в общей сложности в его подвалах было замучено около тридцати подростков. И это только те, чьи кости нашли в замке.

Король сам подписал приказ о публичной казни и сам стоял на балконе, наблюдая за повешением ария на центральной площади.

Он отвечает за огромную страну и привык решать такие вопросы быстро и жёстко. И с пришельцем выбрал самый прямой способ избавиться от угрозы — нет человека, нет проблемы.

— Ясно почему Ремо так разозлился, — хмыкнула я. — Не только из-за маяка.

Король кивнул.

— Теперь понимаешь, что нас всех ждёт, когда он придёт в Шалир?

Я по-прежнему считала, что пришелец не способен на массовые казни. Как бы он ни был разозлён, обижен, но он умный, рассудительный и здравомыслящий человек, а мудрость всегда идёт рядом с милосердием. По крайней мере, мне так казалось.

Хотя... если он сойдёт с ума...

— Чтобы этого не произошло, я должна стать для него якорем, — произнесла твёрдо. — Я смогу его стабилизировать и успокоить.

Эдвард посмотрел на меня так, словно засомневался в моём рассудке.

— Ты всё не так поняла! — рявкнул он громко. — Если пришелец сойдет с ума, всё решится само собой. Сумасшедшему богу не дадут трон. Он проживет недолго.

Я вскочила на ноги, сжимая кулаки.

— Дарий прав, Ремо может сходить с ума ещё десятки лет! — воскликнула я эмоционально. — Мы не знаем как это происходит. За это время он натворит немало бед. Погибнут тысячи людей.

— Это война...

Что хотел сказать король этой фразой? Что на войне не считают потери? Или что эти потери оправданы?

Эдвард заметил в моих глазах огонь возмущения. Он резко выпрямился и отчеканил, глядя мне в лицо:

— Ты никуда не поедешь! Это приказ!

Я почувствовала незримое давление на голову. Наверное, Его величество сильно разозлился, если даже его отсутствующий дар начал сжимать мне виски. Конечно, это давление не идёт ни в какое сравнение с приказами пришельца и сопротивляться я ему могу с лёгкостью.

— Как прикажете, Ваше величество, — я коротко склонилась и вышла за дверь.

Мы, бывало, и раньше ссорились с королём, но ещё ни разу после его слов мне не хотелось хлопнуть дверью, уйти из дворца и никогда не возвращаться.

Сны в эту ночь были особенно пугающие. Мне снились боги. Огромные, величественные, беспощадные, одетые в сверкающие одежды, отражающие солнце. Они спускались с горы бесконечной вереницей, один за другим, один за другим, пока не заполнили собой весь мир. Каждый нёс в руках оружие. Непонятное, чужое, но от этого ещё более страшное. Я, мама, папа, Тимур с семьёй, Эдвард с Лией и даже их дети стояли у подножья горы на коленях. Никто не плакал. Никто не смел шевельнуться.

Мы смиренно и обречённо ждали их приговора.

Проснувшись я в холодном поту с колотящимся сердцем. И потом ещё полдня не могла прийти в себя. Хотелось бросить всё, уехать в Фабрию к родителям. Прислониться к груди мамы, как делала раньше, когда мне было страшно. Пожаловаться папе, похныкать, как в детстве, забраться ему на колени, свернуться испуганным клубочком. Но мне двадцать пять лет. Я взрослая, самостоятельная женщина, давно живу одна и привыкла справляться со всем сама.

Видеть никого не хотелось, я даже отослала Нану к родным, сказав, что и ванну смогу набрать, и одеться, и косу заплести.

На совещание меня пригласили ближе к вечеру. Я уж думала, что после вчерашней ссоры Его величество исключил меня из близкого круга и не станет звать в кабинет. Но нет... просто шпионы задержались с донесениями. Я села в самое дальнее кресло почти у входа и приготовилась слушать.

— Ремо действительно шёл в Первый Храм, — сообщил герр Батор, — шпионы докладывают, что вчера он приказал вынести из глубин горы комок железа и занести его в шатл. А сегодня армия пришельца захватила Западный удел, где находится крупнейшая фабрика по производству мушкетов. Владелец «Фултах и Ко.

Король рассеянно кивнул.

— Он почему-то не особо спешит, — продолжил начальник разведки, — словно тянет время. Хотел бы — давно был бы уже в столице, дорога занимает две недели. Но нет...

— Якорь... — скривился Эдвард, задумчиво барабанил пальцами о столешницу. — Ремо понимает, что главная битва будет у Шалира и ему нужен якорь чтобы в полную силу использовать дар. Хоть какой-нибудь. Девушки по-прежнему с ним?

— Да, сейчас их количество даже увеличилось, — ответил герр Батор. — Почти полноценный гарем. Его постоянно сопровождают красавицы. Плюс в каждом городке приходят новые.

Мне хотелось закатить глаза к потолку, но я сдержалась.

— А если он его найдёт?! — воскликнул Алан, бросив на меня острый взгляд. — Может хватить медлить и нужно нанести ещё один удар?

— Рано... — ответил Его величество и закончил встречу.

За всё время я не сказала ни слова. Да и что было говорить? Посоветовать что-то стоящее я не могла. А моё предложение уехать к Ремо, стать для него якорем, чтобы остановить возможное безумие, король отверг.

Следующий совет начался с тревожного известия. Даже не так... трагичного. Ремо казнил дезертиров. Впервые за три недели войны. Десять человек были повешены на главной площади Восточного удела.

Услышав донесение герра Батора, я испугалась. Каким бы ни был пришелец высокомерным и властным, когда разговаривал со мной, но он не был кровожадным. Я не видела в нём беспричинной жестокости. Да, можно сказать, что идёт война и на войне происходят казни, но... Ему легко можно было обойтись без убийств, просто залезть в голову этим несчастным и приказывать повиноваться.

Но Ремо выбрал казнь.

— Отлично. Его болезнь прогрессирует, — сделал вывод Его величество.

Лицо короля было расслабленным и спокойным. Он казался даже... повеселевшим? Неужели смерть десятерых человек подняла ему настроение?

Я сглотнула горький комок и обвела взглядом присутствующих. Алан с Бергом откинулись на спинку кресла с едва заметной ухмылкой, Зорг с Ките хмурились. Лия сегодня отсутствовала, её младший сын простыл, и она неотлучно сидела у его постели. Да и ждать от неё объективности не приходится — она во всём поддерживает мужа.

— Похоже на то, — ответил герр Батор. — Наш шпион слышал, как Ремо отдавал какие-то приказы генералу. Майо несколько раз переспросил, что он имел в виду. Ремо разозлился и воздушной волной отшвырнул генерала на землю.

Никто из нас не удивился, что пришелец использует не только магию подчинения, но и остальные её виды. Все члены совета знали об этом. И открыто радовались, так как, чем чаще он ее применяет, тем ближе его сумасшествие.

— Это первый признак — беспричинное раздражение, гнев, спутанность сознания, — подтвердил арий Берг.

Меня передёрнуло от того, с каким радостным возбуждением они обсуждали чужое безумие, словно речь шла не о человеке, а о механизме, у которого вот-вот начнут отказывать детали.

— Всё говорит о том, что Ремо собирается задержаться в Уделе, — продолжил свой доклад герр Батор после небольшой паузы, — или оружия недостаточно, или по другой причине.

— Нам на руку промедление, — громко заявил король. — Пусть убивает, сходит с ума. Газеты раздуют казни до максимальных масштабов. Превратим его в кровавого безумца.

Его величество хлопнул ладонью по столу и приказал расходиться.

— Марта, задержись.

Что-то такое уже было, не давнее, как вчера. Едва привстав с кресла, я уселась обратно. Эдвард заметил моё скверное настроение? Или у него есть предложение ко мне? Даже боюсь предположить, какое.

— Садись ближе, — он указал на кресло прямо перед ним.

Пришлось подниматься и идти к столу короля.

— Читай, — король перевернул листок, который до этого времени у него лежал на столе текстом вниз, и подсунул ко мне.

Это была телеграмма. Обычная, напечатанная на сером картонном прямоугольнике. Я пробежала глазами короткий текст и почувствовала, как внутри всё леденеет: «Обещаю оставить тебя в живых, если ты сейчас же отдашь мне Марту».

Подняла глаза на короля.

— Что это? — спросила насторожённо, хотя и так уже догадывалась.

Эдвард тяжело откинулся на спинку кресла. От его обычной властности не осталось и следа — передо мной сидел просто очень уставший человек.

— Пришло сегодня утром в секретариат, — сказал он. — Видимо Ремо понял, что якоря ему среди провинциальных девиц не найти и решил забрать тебя.

Я невольно передёрнула плечами. Что значит — *забрать*? Я что, вещь? Сундук с золотом, который можно перекинуть из одного фургона в другой?

В первое мгновение меня захлестнула такая слепящая ярость, что я забыла обо всём. Забыла, что еще вчера сама собиралась ехать к этому безумцу, чтобы помочь ему обрести равновесие своей магией. Неужто подняла голову та самая застарелая аристократическая спесь, которую во мне взращивали годами?

С детства мной восхищались все: мать, отец, дедушки, бабушки, наставники, преподаватели академии, студенты, дворцовые служащие. Я привыкла к этому обожанию, как привыкают к воздуху, и потому борьба с собственной гордыней шла медленно и тяжело.

С трудом, но я всё же взяла себя в руки.

— Значит, он в безвыходной ситуации. Ты не боишься?

Эдвард не ответил сразу. Несколько мгновений он просто смотрел на меня —прямо, откровенно, без привычной королевской маски.

— Смерти? — уточнил он. — Нет.

Помолчал, потом устало потёр лоб.

— Мне не нужна жизнь без Альтеи... И я не собираюсь тебя отдавать. Я что-нибудь придумаю.

— Что? — спросила я резко. — Что мы можем ему противопоставить?

— У нас есть дальнобойные пушки. Тимур придумал интересное ружьё с длинным стволом, умеющее далеко стрелять. Сверху крепится оптический прицел и можно поразить цель на огромном расстоянии. Испытания, правда, проходили не слишком удачно, слишком много промахов...

Король хмыкнул.

— Ещё вариант. Сделать то, что сделала твоя мать и Дарий Зорг на войне с Фракрией. Зорг пробивал подземный тоннель, а Крей шла вместе с ним и уничтожала оружие. По тоннелю можно запустить отряд в тыл...

Я рассеянно слушала короля, не слишком веря в удачу. Даже если мы уничтожим всё оружие Ремо, у него останется его магия подчинения, против которой мы бессильны.

Глава 3

В пять лет со мной случилась неприятная история — меня похитили. Хотели забрать и Тимура, но ему повезло, он сбежал. Я была заводилой в нашей маленькой компании и постоянно втягивала брата в шалости. Тим мои затеи не всегда поддерживал, но всегда подчинялся. Мы часто сбежали от няни и прятались в виноградниках. Было ужасно весело наблюдать, как бедная герра Пита мечется по поместью, зовёт нас и грозитя отшлёпать. В тот памятный день, забежав особенно далеко, мы увидели в кустах белоснежного пушистого щенка, которого поила молоком женщина. Мы её знали — она работала на кухне.

— Можете погладить, он не кусается, — заулыбалась она, подзывая.

Мы с Тимом присели на корточки.

— Откуда он? Можно он будет мой? Я назову его Пушок... — сразу же затараторила я, погружая руку в тёплую густую шёрстку. Тимур насупился. Видимо ему тоже захотелось питомца.

— У меня есть ещё один, — сказала женщина, — его брат. Точно такой же. У вас будут одинаковые щенки.

Самое странное — она не соврала. В пять лет я уже всюду проверяла слуг на правду и ложь. Из-за моих вечных «ты врёшь!» несколько работников даже уволились.

Позже выяснилось, что эта женщина, десять лет прослужившая в нашем доме, оказалась заговорщиком из Фракрии. Война закончилась совсем недавно. И хоть страна признала полную капитуляцию, была раздроблена на несколько княжеств, в ней ещё оставались очаги сопротивления. За двоих ариев, да ещё и с магическим даром, обещали десять тысяч золотых — огромные деньги.

Кухарка отвела нас к краю виноградника. Там стояла закрытая повозка.

— Щенок внутри, — сказала она с таинственной улыбкой. — Залезайте. Будет интересно.

И снова не солгала.

Лишь спустя годы, повзрослев и став лучше понимать свою магию, я узнала: бессмысленно проверять на ложь того, кто сам верит в сказанное. Служанка верила. И действительно, внутри кареты сидел точно такой же пушистый щенок. Но кроме него там был ещё крупный немолодой мужчина, одетый в чёрное. Едва мы заглянули внутрь, он схватил нас за руки и втащил в повозку.

Мы кричали, брыкались, царапались. Но что могли сделать двое пятилетних детей против взрослых? Кухарка села править каретой, а мужчине ничего не стоило удерживать нас двоих на лавках.

Мы отъехали от Фабрии недалеко, всего на несколько миль, и Тимур, наконец, смог применить магию. Мама с раннего детства учила его божественному языку, и одно заклинание он уже знал хорошо — распылять металл.

В одно мгновение из кареты исчезло всё металлическое: гвозди, заклёпки, пряжки, части сруи. Карета развалилась. Плохо было то, что развалилась на полном ходу. Дальше я помню смутно. Падение. Удар. Хруст. Ослепляющую боль в ноге. Наверное, я потеряла сознание.

Очнулась оттого, что Тимур тянул меня за руку, пытаясь вытащить из-под обломков. От боли я закричала. Похитители ещё не поднялись, но уже стонали и шевелились.

— Беги! — выдохнула я. — Тим, убегай!

Я была маленькой, но уже понимала: меня он не унесёт.

— У меня нога... — всхлипнула я. — Приведи помощь. Расскажи маме. Расскажи папе.

Тим смотрел на меня, растерянный, белый от страха. По его щекам текли слёзы. Он тоже был ребёнком. Ему тоже было страшно.

— Я быстро, — пообещал он дрожащим голосом. — Ты только не бойся, ладно?

Я кивнула.

Он убежал, а я осталась одна — со сломанной ногой, перевёрнутой каретой и людьми, которые вот-вот должны были подняться.

Быстро у Тима не получилось. Я провела у похитителей почти две недели. Меня держали в каком-то подвале, без окон, светильников, с маленькой низкой утопленной в землю дверью. Лекаря, само собой, мне не привели. Кухарка кое-как перевязала ногу грязной тряпкой и на этом всё. Я лежала на тонком матрасе в сыром земляном погребе и плакала от бессилия.

Это были страшные дни, полные боли, ужаса и одиночества.

Я слышала шаги над головой, приглушённые голоса, скрип петель, стук топора. И ждала. Постоянно ждала спасения, но его не было. Я не могла даже считать дни — время растянулось в одну длинную мучительную агонию в полной темноте.

Потом я узнала, что Тим добежал до поместья. Но когда родители с охранниками добрались до разваленной кареты, вокруг было пусто. Похитители сели на лошадей и исчезли в лесу вместе со мной. На ноги подняли всю провинцию. Король закрыл границы королевства, выделил гвардию, ввёл в провинции чрезвычайное положение и приказал осматривать все дома, опрашивать каждого жителя. У них было описание преступников. И если наёмника Тимур изобразил не очень хорошо, то кухарку знали в поместье все.

Похитители уже и сами были не рады тому, во что ввязались. Никто не ожидал, что поиски примут такие масштабы. Они оказались заперты вместе со мной в лесной землянке, не имея возможности даже выйти за продуктами. Я слышала их ссоры сквозь доски пола. Как женщина кричала визгливым голосом, что устала давиться пустой крупой и тухлой водой. Что ей обещали пять тысяч и поместье во Фракрии, а не жизнь в лесу.

Кормили меня раз в день, повязку на ноге вообще не меняли ни разу. Потом, когда меня вызволили, я долго лечилась в лечебнице Бергов. Им едва удалось спасти мою ногу.

Спустя годы трагедия почти стёрлась из памяти. Детская память вообще странная штука — всё плохое забывается очень быстро. Забылись боль и ужас, голод и холод, я перестала спать с включённым светом, вздрагивать при виде тёмных карет и высоких мужчин в чёрном. Забылось, как пах подвал, гнилью и сырой землёй; как невыносимо горела нога под грязной тканью, словно сунутая прямо в камин; как озноб пробирал до костей, замораживая пальцы рук и ног, как бы плотно я ни куталась в одеяло.

Единственное, что осталось в памяти навсегда — мучительная безысходность, тоскливое непроходящее отчаяние. Ты плачешь, ты зовешь маму. Сначала громко, срывая горло. Потом тише, хрипло. Потом беззвучно, одними губами... Но мама не приходит. Никто не приходит. Никогда.

И вот теперь, спустя двадцать лет, меня вновь охватывает это чувство. Тяжёлое, невыносимое чувство беспомощности. Пожалуй, одно из самых страшных состояний, какое только может испытать человек. Когда понимаешь, что не в силах ничего изменить, не можешь повлиять на ход событий и остаётся лишь одно — безмолвно сидеть и ждать.

А как меня нашли?

Похитители, осознав, что из оцепленного леса им не выбраться, окончательно перегрызлись между собой. В один из дней они просто покинули землянку, разойдясь в разные стороны, бросив меня запертой в полной темноте. Там, в подвале, я провела еще два дня. Без еды. Без воды. Без единой искры надежды.

Мне было всего пять лет.

Я давно не вспоминала тот случай. Даже не спрашивала маму и папу, что сделали с преступниками, как их наказали. Сначала долго лечилась, потом мы осели с семьёй в Шалире, поселившись во дворце, где самая серьёзная охрана, где меня буквально носили на руках и позволяли делать что угодно. Тимур почему-то чувствовал вину за то, что убежал, что оставил меня с похитителями, за сломанную ногу. И я безжалостно пользовалась этим, превратив его

раскаяние в свою власть и сделав брата верным слугой. Годы вседозволенности заметно испортили мой характер: я стала заносчивой и капризной. И только работа в суде помогла избавиться от высокомерия. Когда каждый день видишь смерть, боль и страдания, тут не до пустых детских прихотей.

Что удивительно, родители сами подпитывали эти мои слабости: они никогда меня не ругали, ни в чём не отказывали, покупали всё, на что я только указывала пальцем. Даже мама — строгая, сдержанная, требовательная не могла устоять перед моим «хочу» и «дай». Позже, когда пришло время, она объяснила мне это так: она знала, что моя магия рано или поздно изменит меня сама, что мой дар слишком тяжёл для лёгкой жизни. И потому хотела подарить мне хотя бы детство — счастливое, беззаботное, полное свободы и вседозволенности. Потому что понимала: однажды за всё это неизбежно придётся платить.

И я платила. И плачу до сих пор.

Лия зашла ко мне утром, когда я ещё не закончила завтрак. С первого взгляда было ясно: случилось что-то плохое. Лицо королевы осунулось, под глазами легли тени, а губы были бледными и искусанными.

— Что-то с Робером? — испугалась я за младшего принца. Да, у него была всего лишь простуда, но я знала, какой коварной она порой бывает.

— Нет, — хрипло сказала Лия. — Алан пропал.

— Как пропал? — растерянно переспросила я.

Вчера вечером, после собрания мы разошлись, и больше я его не видела. Кронпринц выглядел весёлым, улыбался, даже проводил меня до моих апартаментов, чмокнув на прощанье в щёку, словно и не было нашего прошлого непонимания и его снисходительного «все девочки боятся войны».

— Он оставил записку, — Лия судорожно вздохнула. — Написал, что ему надоело ждать удобного момента и сидеть сложа руки. Что его поддерживали другие молодые аристократы...

Она не договорила и всхлипнула.

— И?..

— И он собрал друзей и отправился к Ремо. С ним ушли сыновья Зорга, Мару и Горна. Они собираются проникнуть в армию пришельца под видом добровольцев и убить его. Алан написал, что менталисты и материалисты не так сильно подвержены влиянию силы Ремо, — Лия подняла на меня болезненный взгляд. — Это правда?

— Правда, но... — я замаялась.

Руки у королевы дрожали так сильно, что она не смогла даже налить себе чаю — только расплескала его по столу.

— Он написал, что хочет стать героем, — выговорила Лия, закусив губу. — Что сам защитит Шалир и Альтею, если отец трусит и не решается наступать.

Я тихо выругалась сквозь зубы. Вот, паршивец. Я чувствовала, что принц что-то задумал. Слишком громко и самоуверенно высказывался он на собраниях, слишком часто призывал к действию, слишком сильно ненавидел пришельца.

— Когда обнаружили его исчезновение?

— Утром. Слуги принесли завтрак и увидели, что его нет. Постель даже не была разобрана — он не ночевал в комнате. И не только он. Из дворца также исчезли трое отпрысков ариев. В гараже не хватает одного мобиля.

— Значит, у них фора почти в десять-двенадцать часов, — подсчитала я, — и как их могли пропустить через оцепление? Сейчас же всех проверяют.

Лия покачала головой.

— Патруль, дежуривший на выезде, уже под трибуналом. Капитан сказал, что на руках кронпринца было разрешение, подписанное самим королём.

— Значит, ещё и печать с подписью подделал, — выдохнула раздражённо.

Да. Спокойная уютная жизнь без бед и потрясений сделала из наследника престола самоуверенного эгоиста. Он не только рискнул своей жизнью, но и подверг опасности своих друзей — сыновей великих родов Альтеи.

Мне вспомнились рассказы матери о молодости Эдварда Рема Шестнадцатого. В двадцать лет нынешний король уже был осторожным, дальновидным и умным политиком — просто потому, что жизнь слишком рано заставила его повзрослеть. А этот... решил поиграть в героя.

— Что король? — поинтересовалась я мрачно.

Лия всхлипнула.

— Послал им вслед отряд гвардейцев, но боюсь, они не догонят.

Протянув руку через стол, я сжала её дрожащие пальцы. Хотела поддержать, но, кажется, сделала только хуже. Моё прикосновение словно ослабило последнюю внутреннюю пружину — Лия громко расплакалась.

— Я боюсь, что ему придется выбирать, — через всхлипы разобрала я. Нетрудно догадаться кому — ему... Королю, само собой. — Что Ремо поставит условие, а Эдвард не отдаст корону даже за жизнь сына. Боюсь, что у него на первом месте Альтея, а не его первенец.

Лия горько рыдала. Я встала, подошла к ней и положила руку на плечо. Осторожно погладила мягкую ткань домашнего платья, не зная, чем ещё могу помочь. Что тут вообще можно было сказать? Я и сама не знала, какой выбор сделает король, если Ремо потребует подобного. И хуже всего было то, что слова Лии совсем не казались мне беспочвенными.

— Не надо хоронить Алана раньше времени, — выдавила я из себя наконец. — Возможно, его затея всё-таки удастся, и он... — я сглотнула подступивший к горлу кислый ком, — убьёт пришельца.

Внутри после своих же слов поднялась волна отрицания, словно я боюсь даже предположить мысль о его смерти.

Три дня дворец жил в глухой, натянутой тишине. Лия почти не выходила из своих комнат. Король, напротив, без конца собирал совещания, вызывал офицеров, требовал донесений, но шпионы приносили только слухи — один тревожнее другого. Из фактов: казни участились, стали более показательными. Ремо покинул Западный удел, к нему примкнули добровольцы, среди них — много служителей храмов, искренне считающих его новым богом. Они, как раз, и создавали больше всего проблем. Простые люди привыкли верить священникам и неосознанно шли за ними.

— Мы сами дали им в руки это оружие, — сказал Дарий Зорг, когда мы встретились на внеурочном совещании. — Сотни лет превозносили богов, их детей — ариев, и вот, что получили...

Зорг осунулся и постарел. Побег сына не лучшим образом отразился на его внешности. Он держал себя в руках, как обычно говорил неторопливо и по делу, но взгляд его стал тяжёлым, потухшим, словно внутри что-то надломилось.

А у меня голова шла кругом. Мне стало казаться, что выхода нет и мы все скоро окажемся погребены под тяжестью своих же ошибок. Взрыв Первого Храма, уничтожение маяка, отправка армии, оружие, вложенное пришельцу в руки... И всё, что мы делаем сейчас — только ещё больше даём ему преимуществ.

А на четвёртое утро в секретариат принесли телеграмму. «Твой сын у меня. Как и остальные юнцы. Я даю тебе выбор: добровольно отдать корону или прислать мне Марту. Казнь принца состоится через неделю. Постарайся успеть».

Лию на совещание не пустили. И правильно: она бы только залила слезами весь кабинет. К тому же совет был совсем узким — только я, король и Дарий Зорг.

— Вы же понимаете, что это одно и то же? — Эдвард с такой силой ударил кулаком по столу, что несколько папок слетели на пол. Он даже не взглянул на них. — Отдать корону или

отдать Марту. Если он получит якорь, то захватит Шалир без особого труда. А если я сам сложу власть, Марта всё равно окажется его подданной.

— Я должна ехать, — сказала я уверенно. — Другого выхода нет. Алан в опасности.

Лицо короля на миг исказилось, но голос, когда он заговорил, остался сухим и холодным.

— Ты предлагаешь мне добровольно вручить ему оружие, которого он добивается с самого начала? Или, может быть, считаешь, что я не понимаю последствий? Ты давала клятву Альтее, Марта. Не заставляй меня усомниться в том, что она для тебя ещё что-то значит.

Я молча смотрела на Эдварда. Он был на пределе, это было видно всем. Обычная его рассудительность дала трещину. Война, угроза свержения, сын в руках врага — тут самые крепкие люди теряют почву под ногами.

— Я как раз и думаю об Альтее, — ответила я жёстко. — Ремо уже казнил десятки солдат. Теперь на очереди первые сыновья ариев. Твой сын, — я особенно выделила слово «твой», — тоже там. Скольким ещё нужно умереть, чтобы ты перестал думать только о короне и власти?

Фраза застыла на моих губах. В глазах его величества вспыхнуло что-то по-настоящему страшное.

— Власти?.. — повторил он настолько жутко, что у меня зашевелились волосы на затылке.

— Довольно! — резко сказал Дарий, поднимаясь с места и склоняясь над столом. — Вы оба сейчас несёте бред. Мой Томми тоже там, и я тоже не железный. Но именно поэтому нам всем сейчас нужна холодная голова и спокойствие.

Эдвард стиснул зубы, обеими руками вцепился в свои волосы, прижимая пальцы к вискам. Я видела, как трудно ему даётся самообладание, как мучительно даже допустить мысль, что из-за его решения может погибнуть старший сын.

— Я надеюсь, что его угрозы так и останутся угрозами, — наконец выговорил король. Голос его звучал хрипло, будто каждое слово царапало горло изнутри. — Но если ты поедешь к нему, это даст ему преимущество, которого у него пока нет. Не называй это спасением. Это капитуляция. И ты слишком умна, чтобы не понимать разницы.

Кабинет погрузился в тяжёлое молчание.

Я корила себя за то, что сорвалась, за то, что ударила по самому больному, наговорив лишнего. Страшно было даже представить, что чувствует сейчас король. Лие проще — она хотя бы может плакать, выплёскивать горе слезами. А Эдвард держал себя в железной броне самоконтроля. Я знала, как он любит своих детей, каким мягким и заботливым становится, когда снимает мантию и поднимается на жилой этаж, в детские комнаты. Как гордится Аланом, окончившим академию с отличием. Как поручает ему первые серьёзные дела, готовя к будущему правлению.

— На войне иногда приходится жертвовать солдатами, — глухо сказал Его величество. — А вот ты — единственная в своём роде. Я не отдам тебя ему.

Я шла в свои комнаты с тяжёлым сердцем. И уже понимала, что не останусь во дворце, что пойду за Аланом. Как я на него не была зла, но я не могла бросить друга в беде. Тем более, я чувствовала себя виноватой. Сама спровоцировала его побег, назвав мальчишкой. Он сбежал не только ради подвига, но и чтобы доказать мне: он мужчина, достойный любви.

«А может и не придётся сталкиваться с Ремо, становиться якорем? — я вообще смутно понимала, что такое этот якорь и в чём он выражается, — вдруг я смогу вызволить наследников просто применив свои магические способности? Я же тоже владею... как он сказал... ментальной коммуникативной магией?».

Бежать решила ночью. Отличное время для разных безумств. Дворец почти опустел, минимум слуг, все спят. Как и Алан, оставила письмо на столике у кровати. Надеюсь, Эдвард не объявит меня предательницей трона за моё решение. В голове до сих пор стояли его последние слова: «Твоё решение может стоить нам государства».

Но, наверное, я, как и мама, между выбором общим, выбирала частный. Между целостностью страны — жизнь друга, между гордостью и честью — милосердие, хрупкую, уязвимую человеческую жизнь.

Оделась просто: брюки, рубашка, сюртук, крепкие ботинки. Взяла мешочек золотых, карту Альтеи и маленький дамский мушкет, который легко помещался в сумке. Это был подарок отца на день рождения. Он же и научил меня стрелять.

До своего особняка добралась пешком. Идти в дворцовый гараж и брать мобиль не рисковала — после побега молодых ариев там наверняка дежурила охрана. Да и все въезды и выезды из Шалира тщательно караулили, проверяя каждого путника без исключения.

— Полин, — сказала я, разбудив горничную, — мне нужна твоя помощь. Ты говорила, что у тебя есть брат, бывший контрабандист. Мне нужен безопасный путь по воде из Шалира на северо-запад.

Полин всплеснула руками, принялась причитать и охать добрых десять минут, прежде чем я сумела привести её в чувство.

— Одевайся, — сказала я. — И проводи меня к брату.

Из провинции мне удалось выбраться только к рассвету, зато на крепкой лодке с паровым мотором, способной развивать хорошую скорость. Вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову искать меня на море — охраняли в основном дороги. За пять золотых монет меня переправили в порт Аро, в провинцию Арова, соседнюю с Шалиром. Там я купила лошадь и дальше поехала верхом.

Полин настаивала на сопровождении. Сначала упрашивала взять её, потом брата. Тащить с собой пятидесятилетнюю женщину в опасное путешествие? Увольте. А хитрое лицо её младшего брата мне сразу не понравилось. За пять минут разговора он умудрился соврать мне раз десять. Боюсь, Полин глубоко ошибается, утверждая, что он бросил своё ремесло и перешёл на праведный путь. Так что, отправилась одна.

Дорога тянулась ровно и однообразно: серая полоса между полями, низкими холмами и редкими рощами. Вороной, купленный в спешке — не чистокровный красавец, но и не безродная кляча — бодро цокал подковами по щебню, ветер приносил запах пыли, сухой травы и нагретой земли. Давно я не садилась в седло. Наверное, ещё с академии. В последнее время передвигалась сугубо на мобиле, оставив верховую езду для забавы, времени на которую, увы, не оставалось.

Неудивительно, что к вечеру каждая мышца в моём теле отзывалась ноющей болью.

Один раз мне повезло переночевать на постоялом дворе, другой — в обычной крестьянской избе. Уезжая, я оставила на столе тяжёлый червлёный золотой с выгравированным профилем Эдварда, плату за соломенный тюфяк и стакан молока на ужин. За эти деньги семья могла жить в течение полугода. Только через несколько дней после побега я осознала собственную глупость — взять в дорогу одни золотые монеты. Если бы не сдача серебром на постоялом дворе, мне бы не за что было купить даже еды в дороге.

Чем ближе я подъезжала к стоянке армии Ремо, тем тревожнее мне становилось на сердце. По дороге я узнала, что «истинный король» быстро и неотвратимо идёт на юг к Шалиру, почти нигде не задерживаясь.

Беженцы тоже попадались, но не так уж много — основная масса людей не спешила покидать дома. Многие не боялись Ремо. Встречались даже те, кто радовался его приходу — как будто и впрямь ждали не завоевателя, а нового бога.

Мне до сих пор не верилось, что я посмела. Посмела нарушить прямой приказ короля! Ещё несколько месяцев назад такая дерзость казалась мне немыслимой. Я же была его тенью — преданной до мозга костей сторонницей Эдварда, поддерживала каждый его шаг и никогда не смела усомниться в королевской воле.

Меня постоянно убеждали, что я — великая ценность. Что не имею права рисковать своей жизнью. Что она принадлежит Альтее. Как и моя магия, знания, умения... будущие дети.

А что тогда остаётся мне?

Что вообще принадлежит мне самой?

Я не знала ответа. Но одно понимала точно: я не могу бездействовать, запершись в дворцовых покоях. Я должна попытаться спасти Алана и его друзей, остановить пришельца, уберечь его от сумасшествия, а мир от кровопролития.

Неделя, отданная его величеству на принятие решения, истекала через два дня. Я спешила, но сам Ремо не торопился — его армия остановилась на границе провинции Сатан, соседствующей на юге с Шалиром, у городка Фарес и отдыхала с такой беспечностью, словно уже одержала победу. Дороги не охранялись, не было видно ни постов, ни караула, в город мог зайти кто угодно. Солдаты вели себя слишком вольно — смеялись, пили, шатались без дела, словно опасаться было некого.

Неужели, они так были уверены в силе своего «бога»?

Я везла с собой сменную одежду, взятую в столичном доме — простые брюки из тонкой шерсти, рубашку и куртку. Да, из хорошей дорогой ткани, но безликие, тёмного цвета и без украшений. Одежда не аристократки, но богатой горожанки. Я переоделась в лесу за городом, отпустила лошадь, и вошла в ворота Фарес вместе с торговым обозом, примостившись на телеге, везущей сыр и молоко. Возница после моей улыбки и мысленного «*таро*» стал излишне разговорчивым, болтал не останавливаясь, словно знал меня всю жизнь.

— Нет, я первый раз приехал, — ответил он на мой вопрос. — Наши говорят, что здесь можно удачно подзаработать. Не обманывают и платят хорошо.

— Откуда вы?

— Из Зелёной топки, — он махнул рукой куда-то на запад, — выехал ещё затемно.

— И не боитесь?

— А чего бояться? — усмехнулся он, — мы люди привычные. Всем нужно есть, даже солдатам.

Священная человеческая мудрость, простая и понятная до примитивности. Корона, власть, обиды, победы и поражения... Для большинства не так важно, кто правит, если на столе есть еда.

Возница высадил меня на одной из боковых улочек, ведущих к рынку, сам отправился распродавать товар, а я повернула назад, к центру. Я ни разу не была в Фаресе, хотя стоит признаться, я мало где была. Городок был небольшим, тысяч на десять жителей. Центральная улица тянулась от главных ворот, проходила через площадь с Храмом и ратушей, расположенных друг напротив друга, и заканчивалась теперь уже огромным стихийным рынком, вышедшим за время, пока в городе стоит армия, за пределы ограждения. Дома были в основном одноэтажными, редко где попадались двух или трёхэтажные.

— Эй, красавица! — громкий, хмельной окрик заставил меня вздрогнуть. — Иди к нам! Угостим!

Я сделала вид, что не услышала, и, не сбавляя шага, пошла дальше. Безликая одежда скрывала фигуру, волосы были туго стянуты в узел и спрятаны под косынку. Я изо всех сил старалась стать незаметной — если не уродливой, то хотя бы достаточно непривлекательной, чтобы не цеплять чужих взглядов. Но, похоже, просчиталась.

Позади послышался топот. Не успела я обернуться, как кто-то грубо схватил меня за руку и резко развернул к себе.

Передо мной стоял молодой гвардеец, на первый взгляд лет двадцати. Его заметно качало от выпитого: взгляд мутный, губы кривятся в самодовольной усмешке, тонкий породистый нос шумно втягивает воздух, словно он простужен или запыхался. На мундире поблёскивали офицерские нашивки, но лицо мне было незнакомо. Значит, если и аристократ, то мелкий, про-

винциальный, не входящий во дворец, из тех, кто особенно любит важничать там, где чувствует безнаказанность.

Страх я не испытывала. По донесениям шпионов, в армии Ремо держали железную дисциплину: и Майо, и сам приходец не терпели насилия. Любое принуждение солдат по отношению к женщинам каралось жёстко и быстро. Это знание немного успокаивало, хотя тяжёлая хватка на запястье всё равно была неприятной.

— Я спешу, — ответила я холодно и снова попыталась высвободить руку.

Если бы парень был хоть немного трезвее, возможно, он бы обратил внимание на качество моей одежды, оценил бы тонкие черты лица или даже узнал знаменитую арию Хорн — в конце концов, мои фотографии не раз украшали страницы газет. Но, увы, сейчас ему было не до этого.

— Пошли, — грубо рявкнул он, — ты не пожалеешь.

Вот так всегда: едва ступила на городские улицы — и уже влипла в неприятности. И как, спрашивается, я теперь собиралась проникнуть в дом Ремо и освободить Алана?

— Ну конечно, — я вздохнула, и мысленно пропела в голове на божественном: *«таро»* и *«пиро»* (искренность и дружелюбие). Добавила щедрую порцию *«хоро»* (очарование) и улыбнулась — широко, ярко, так, чтобы улыбка озарила лицо и заиграла на ямочках.

Глаза гвардейца, и без того подёрнутые мутной пеленой опьянения, округлились. Он замер как вкопанный, не в силах вымолвить ни слова. Моя магия ударила по всем его чувствам разом, а в сочетании с выпитым вином и вовсе не оставила бедняге ни единого шанса на сопротивление.

— А не покажешь ли ты мне, где живёт бог? — игриво подмигнув, проворковала я. — Очень уж хочется взглянуть на нового короля.

Гвардеец всё ещё пребывал в оцепенении. Он молча подставил мне локоть и повёл прямо по улице. За спиной слышались крики его друзей: они ругались, звали его вернуться, предлагали «поделиться» (чем или кем, само собой, я не поняла). Но мой спутник не обращал на них ни малейшего внимания. Крики затихли только тогда, когда мы свернули на перекрёстке.

Спустя минуту гвардеец наконец обрёл голос.

— Как тебя зовут, красавица? — произнёс благоговейно с восхищением, — позволь представиться. Герр Роман Хорников, младший офицер армии нового короля.

Ух ты! Хорн! Да это же мой дальний родственник! Хотя, если быть честной, степень нашего родства была настолько отдалённой, что и представить страшно. В нашем мире к фамилии прибавляют новую букву, когда кто-то решает основать собственный род. После «Хорн» в его фамилии стояло ещё четыре буквы — это означало, что его предки отделились от моего рода целых четыре раза. Это была даже не *«седьмая вода на киселе»*, а, пожалуй, двадцать седьмая.

— Полин, — улыбнулась я, назвавшись именем своей горничной.

Мы вышли на небольшую площадь. В центре находился фонтан, изображающий какого-то героического всадника. Рядом с ним — небольшое возвышение, то ли сцена, то ли трибуна для глашатая. Справа и слева выделялись двухэтажные каменные дома с претензией на провинциальную роскошь — ратуша, гостиный двор, храм и несколько домов местных богачей, отличающихся от предыдущих строений разноцветной мозаикой и красной черепицей на крыше.

— Бог живёт в ратуше, — гвардеец кивнул на серое каменное здание с узкими окнами и одним единственным балконом на втором этаже. — Ты хочешь попасть к нему в свиту? — спросил хмуро.

Сначала я не поняла о чём он говорит. Что за свита? Но спустя мгновение, догадалась. Гарем из девиц, который Ремо создал в поисках якоря.

— Пока не собираюсь, — ответила ласково, — мне бы остановиться на ночлег в приличном месте. Роман, будь другом, посоветуй хороший трактир.

— Я всё для тебя сделаю, детка, — парень приложил ладонь к сердцу и повёл меня к гостинице.

И уже там я узнала, что все комнаты во всех трактирах городка заняты. В ратуше жил пришелец с генералом, их самые близкие сподвижники и магистрат с семьёй. В трактирах — офицеры, а уже в простых крестьянских домах и палатках за оградой — солдаты.

Роман великодушно уступил мне свою комнату, а сам ушёл ночевать в палаточный городок. Правда, для этого мне пришлось довольно решительно его выпроваживать: уж настойчиво он предлагал разделить с ним постель.

Я искупалась, вымыла голову, отдала одежду в чистку, и впервые за несколько дней легла спать на нормальной кровати, застеленной хрустящим вкусно пахнущим бельём.

Уснула не сразу. Перед закрытыми глазами снова и снова прокручивалась одна и та же сцена: я впервые осознанно применила свой дар столь странным образом. Мне ещё никогда не доводилось сознательно очаровывать мужчин — в этом просто не было нужды, я и без того считалась первой красавицей столицы.

Наоборот, порой хотелось найти способ отвадить чересчур назойливых поклонников. А уж после того, как я влюбилась в Демиса, все остальные и вовсе перестали для меня существовать.

Ремо говорил, что дар Хорнов коммуникативный. Чтобы это значило? Расспросить пришельца толком не удалось. Всегда находились более важные темы для разговора. А ведь если я умею очаровывать, то и вызывать отвращение тоже могу? Интересно будет попробовать с моей-то внешностью...

С этой мыслью я и уснула.

Глава 4

Ремо я увидела рано утром. Вместе с генералом он направлялся к трактиру. К тому самому, где сейчас была я. Поняв это, я на шаг отступила от окна и затаила дыхание.

Я заканчивала завтрак, допивала чай и рассматривала ещё недавно пустую площадь. Молоденькая хорошенькая горничная, принеся поднос полчаса назад, явно рассчитывала застать здесь не меня, а хозяина комнаты — бравого красавца-офицера. Увидев вместо него незнакомую женщину, она заметно растерялась.

— А где герр Роман? — нахмурившись, спросила она.

Я неопределённо повела плечом в сторону ванной комнаты. Пусть додумывает сама. Девушка сердито блеснула глазами, сунула мне поднос в руки и тут же вышла, громко хлопая дверью. Слишком громко для обычной равнодушной прислуги.

И теперь, стоя у окна с чашкой чая, я с любопытством и опасением наблюдала, как высокий худой пришелец, одетый в неброский тёмный костюм, неспеша идёт по каменным плитам в мою сторону. Вдруг справа, откуда ни возьмись, к нему подбежала нарядная девица, в лентах и шелках, словно собралась на бал, а не на утренний променад, и начала что-то быстро лепетать.

Ремо остановился.

Лицо его, как всегда, ничего не выражало — замкнутое, хмурое, будто высеченное из камня. Зато генерал Майо, стоявший рядом, скривил рот в издевательской ухмылке. Его-то происходящее откровенно забавляло.

Не нужно было слышать их разговор, чтобы понять, чего она добивается. Предлагает себя в гарем. Мне вдруг стало мучительно стыдно — не за одну эту девицу, а почему-то за всех сразу. За неё, за площадь, за город, за весь людской род, который так легко склоняет голову перед силой, стоит ей лишь проявить себя.

Захотелось выругаться, отвернуться, но я не смогла — словно прикипела к окну.

Ремо что-то тихо сказал ей, и красавица плавно опустилась перед ним на колени, не обращая внимания на покрытые утренней росой камни и грязь. Прижав руки к груди, она смотрела на него снизу вверх — с восхищением, трепетом, почти с рабской покорностью. Сама. Прямо посреди площади. На глазах у толпы, которая, я не сомневалась, наблюдала за этим спектаклем из окон так же, как и я.

Губы Ремо изогнулись, он весело расхохотался, что-то бросил Майо и пошёл дальше, ко входу в трактир. Девушка растерянно осталась стоять на коленях посреди площади, ещё не понимая, что разговор закончен.

И уже у самого входа, почти ступив на ступени, Ремо вдруг опять остановился, склонил голову, словно прислушиваясь к чему-то. Потом начал медленно поднимать взгляд вверх, на окна.

Отпрянув, я застыла в ледяном ужасе. Чашка с недопитым чаем выскользнула из ослабевших пальцев и покатилась по ковру. Сердце рухнуло куда-то вниз, дыхание перехватило. На миг мне почудилось, что Ремо услышал меня, почуял, что он уже знает, где я нахожусь и скоро будет здесь. Взгляд заметался по комнате, ища укрытие.

Ноги сами сделали шаг к массивному платяному шкафу, но я заставила себя остановиться. Нет. Соberись. Это просто паранойя. Скорее всего, Ремо просто пришёл позавтракать в ресторан на первом этаже. Здесь и правда кормили недурно.

Я заставила себя отвернуться от шкафа и успокоиться. Замерла, вслушиваясь в приглушенный гул голосов внизу. Потянулись минуты. Ни через одну, ни через две тяжелые шаги так и не застучали по лестнице второго этажа.

Пора было заняться делом. Я подняла упавшую чашку, поставила её на поднос, села за стол и придвинула к себе лист бумаги. Предстояло вспомнить все известные мне слова боже-

ственного языка, обозначавшие чувства. Пришелец говорил, что наш язык беден, что многое утеряно безвозвратно. Возможно, он был прав. Но и тех слов, что знала я, могло оказаться достаточно для того, что я задумала.

«*Таро*» — искренность, «*ниро*» — дружелюбие, «*хоро*» — очарование, «*че́ри*» — отвращение, «*фирэ́*» — гнев, и так далее.

Набралось более двух десятков. Я не использовала многие раньше, не было нужды. Теперь хотела попробовать применить. Хотя, если подумать, в тюрьме мне вряд ли пригодятся гнев или злость. Не с ними я собиралась идти к Алану и ариям.

Куда полезнее были бы дружелюбие и очарование. Вчера, например, с офицером это сработало на удивление неплохо.

Жаль только, что в божественном языке не было слова «любовь». Или оно исчезло вместе с остальными утраченными словами, или же его там никогда и не существовало.

Сунув в карман исписанный листок, я устроилась у окна и стала напряжённо изучать городок, пытаясь решить, что делать дальше. Взгляд механически скользил от черепичных крыш к резным балконам и зашторенным окнам, но мыслями я была далеко — там, на площади.

Встреча с Ремо оставила после себя странный, горько-сладкий осадок. С одной стороны, меня передергивало от его публичной жестокости — того унижения, которому он подверг девицу на глазах у толпы. Но с другой... При виде пришельца внутри вспыхнуло острое, почти болезненное волнение, иррациональная радость, словно я встретила родного человека.

Это чувство ошеломило до глубины души.

Я никогда не была ветреной: к Демису присматривалась долгие месяцы, прежде чем согласилась на свидание, а женихов из королевского списка всегда держала на расстоянии вытянутой руки, подпуская ближе лишь на время бального танца.

Неужели всё дело в магии? В этом загадочном, звенящем созвучии наших сил, которое заглушает голос разума?

Ладно. Сейчас не время для самокопания. Первым делом нужно узнать, где держат пленников. Мне претила сама мысль о том, чтобы снова прибегать к помощи моего родственника, но выбора не оставалось.

Ещё во время дипломатических приёмов, бесконечных обедов и утомительных балов я успела достаточно хорошо изучить пределы собственного дара. Обычно внушения хватало на день, иногда — на два, а редко и вовсе на пару часов. Всё зависело от человека. Если он сам хотел поддаться, если уже был расположен, ослеплён, очарован, воздействие ложилось мягко и глубоко. Если же внутри у него сидели страх, недоверие или злость, чары держались хуже и спадали быстрее.

По моим расчётам, вчерашнее внушение должно было ещё держаться на офицере. Ошиблась. Едва до моего слуха сквозь закрытую дверь донесся тяжёлый, чеканный топот сапог, как внутри все сжалось в дурном предчувствии — легкой беседы не предвидится. Мои худшие опасения подтвердились: родственничек ворвался в комнату разъярённый, злой, и сразу же начал с обвинений.

— Ты кто такая? — рявкнул он, бешено вращая глазами. — Как я мог отдать комнату какой-то ш***? Чем ты опоила меня? Почему я проснулся в палатке?

На секунду я растерялась. Никто за двадцать пять лет никогда не позволял себе так со мной разговаривать. Неужели та жалкая капля силы Хорнов, что текла в его жилах, помогла ему так быстро сбросить моё влияние? И не она ли превращает обычного человека в это злобное, бесконтрольное чудовище?

И только когда мужчина ринулся ко мне, заноса руку для удара, я очнулась — вскочила, шагнула за спасительный барьер журнального столика, быстро проговорила в уме нужные слова, смешивая очарование с дружелюбием, а потом, на всякий случай, добавила ещё и

«*арис*» — обожание. Не буду задумываться об этичности применения магии к этому офицеру. Как сказал отец — на войне все средства хороши.

Воздействие накрыло его сразу. Я увидела это по глазам: они потеплели, гневная складка на лбу разгладилась, а губы растянулись в широкой, идиотской улыбке. Мерзость никуда не делась, она лишь сменила маску. Теперь он шёл ко мне плавно, раскинув руки для объятий, а не для удара, с похабной усмешкой на лице.

Я уклонилась и с ласковой строгостью погрозила ему пальцем.

— Нет, дорогой. Я против, — сказала с улыбкой. — Ты ведь не хочешь меня огорчать?

Парень остановился и горячо заверил, что не хочет.

— Тогда скажи мне, где держат пленников-ариев, — я решила не упускать возможность расспросить солдата.

И тут на лице Романа отразилось то, чего я не ожидала — борьба. Желание угодить мне вступило в схватку с тупой верностью присяге. Я смотрела, как его взгляд заметался по комнате, как он мучительно пытается выбрать между двумя приказами.

— Я не знаю... — прошептал он, и его лицо исказилось от натуги. На лбу выступил пот. Он отшатнулся, будто на миг пришёл в себя. — Зачем тебе арии? Ты шпионка?

Я сердито фыркнула. Вот и вся цена моего дара. Годится разве что для суда, выносить приговоры. Бесполезный по сравнению с силой Ремо. Ему достаточно было отдать приказ — и ему повиновались. А я... я могла пробуждать лишь чувства. Но ни восхищение, ни привязанность, ни даже любовь не заставят человека выдать тайну, предать то, за что он держится мёртвой хваткой.

— Нет, я не шпионка, — мягко произнесла, повторяя в голове «*таро*», — мне просто жалко молодых аристократов. Они же мальчишки совсем. А их собираются казнить.

Роман мгновенно расслабился. Значит, очарование действует, ему нужен был лишь повод, самая жалкая ложь, чтобы поверить.

— Это война, детка. Здесь убивают, — снисходительно усмехнулся он и снова шагнул ко мне, собираясь поцеловать. Глаза заблестели похотью.

Я в который раз уклонилась, сохранив улыбку, хотя внутри всё сжалось от раздражения. Главный недостаток моего дара: окружающие постоянно норовят перейти границы дозволенного.

— Тебе никуда не нужно идти? — я многозначительно приподняла бровь.

Офицер нахмурился, бросил взгляд на часы и воскликнул перепугано:

— Проклятье! У меня через полчаса построение! — забежал по комнате, что-то рассылая по карманам. Открыл шкаф, вытащил форменный китель с парадными нашивками.

Я не отворачивалась, как нужно по этикету, настороженно наблюдала за его переодеванием, боялась оторвать от Романа взгляд, каждую секунду проговаривая мысленно «*арис*». Кто знает, на что способна его капля дара Хорнов. Вдруг опять полезет с кулаками?

Закончив прихорашиваться, офицер развернулся ко мне.

— Никуда не уходи, детка. Погуляем по городу. Я отведу тебя обедать в лучшее заведение Фареса. Ты, наверное, ни разу не была в ресторациях?

Из парня опять полезла эта самодовольная снисходительность. Знал бы ты, родственничек, в каких местах мне доводилось бывать и с какими людьми обедать... Но разубеждать его я не стала, всё равно видимся в последний раз. И, боги, как же меня бесило это его «детка».

— Конечно, дождусь, — ответила я, позволяя голосу стать чуть теплее. — Не торопись.

Роман смотрел на меня восхищённо, с той яркой чистой однозначной влюблённостью, которая никогда не бывает искренней. Настоящая любовь так не выглядит, под ней скрыты десятки других смыслов — и неуверенность, и ревность, и капелька страха, и много всего другого. Впрочем, ничего страшного: через несколько часов очарование рассеется, и от этих чувств не останется ничего, кроме неловкости. А я к тому времени буду уже далеко.

— Какая же ты всё-таки красивая, — не удержался он уже у двери. — Никогда в жизни не видел девушки прекраснее. Мне невероятно повезло тебя встретить. Я заберу тебя с собой в Шалир, сниму тебе дом...

Посмотрел на часы, ещё раз ойкнул и скрылся за дверью.

Улыбка мгновенно сползла с моего лица. Я раздражённо выдохнула, сглатывая приторную нежность его взгляда, вытерла влажные ладони о юбку. Внутри остался тяжёлый осадок, будто я вывалилась в грязь. Такое чувство накрывало меня после особенно поганных заседаний в суде. Настоящий Роман мне не понравился. Без наносного очарования родственничек оказался высокомерным ублюдком, жестоким и не гнушающимся рукоприкладства.

Неужели меня ждёт та же участь, если я не найду якорь? Сама мысль об этом вызывала ужас.

За последние дни я слишком часто прибегала к дару, и сейчас чувствовала откат. Пока ещё слабый, почти незаметный, но теперь-то я могу предположить, чем это закончится: если и дальше разбрасываться *«таро»* и *«арис»*, вернётся бессонница, за ней — вспышки злости, а потом и глухая, выматывающая озлобленность на всех и вся.

Колдовство никогда не даётся даром. За любую силу приходится платить, за каждый шаг вперёд — в чём-то отступать. Такова цена дара. Цена магии.

А Ремо пользуется своей силой все последние месяцы — много, часто, подчиняя ей десятки, сотни, тысячи людей. Даже думать не хотелось, в каком состоянии он сейчас может быть.

Я выбросила из головы жалость к пришельцу — не до этого сейчас. Пора отправляться на поиски Алана и других ариев.

Мою одежду вычистили и погладили. Я опять укрыла волосы косынкой, пусть она вчера и не сильно помогла, но всё же немного отвлекала от длинных золотых прядей, которыми так восхищались мои кавалеры в Шалире. Я осторожно спустилась на первый этаж, надеясь, что офицеры уже убралась. Так и оказалось — в фойе гостиного двора никого не было, лишь за стойкой стоял распорядитель. Он удивлённо округлил глаза, увидав меня, и, наверное, собирался поинтересоваться кто я такая, но я, не оглядываясь, направилась ко входу быстрым шагом, не обращая внимания на его окрики.

Площадь пустовала. Девушка давно ушла, прохожих тоже не наблюдалось. Городок опустел. Я направилась в сторону рынка, надеясь там найти хоть кого-то, кто вхож в ратушу или знает последние сплетни.

Мне едва удалось пройти пару кварталов, как вдруг я услышала за спиной громкий окрик: — Марта!

Я вздрогнула и обернулась. На углу стоял Итрем, сын ария Умара, — тот самый, который, если верить отчётам, помог пришельцу бежать из тюрьмы. А на самом деле, просто стал его спутником. Он был младше меня на четыре года, в академии мы не особо общались.

— Как ты здесь оказалась?! — широко улыбаясь, Итрем подошёл ко мне.

— Ты чего так кричишь? — прошипела я рассерженно, опасливо оглядываясь по сторонам, — тише.

Итрем, похоже, и правда был рад меня видеть. Раньше — в академии и во дворце — он держался на расстоянии и лишь вежливо здоровался с арией Хорн. Когда Лия нашла фермера Умарана и сделала его арием, Итрем только родился. Несмотря на то, что его старшие сёстры стали почтенными матронами, удачно вышедшими замуж за богатых герров, отец заседал в Совете, а сам он закончил в этом году королевскую академию, он не зазнавался, прекрасно помня, что его дед и прадед совсем недавно возделывали землю.

Хороший парень. Воспитанный, честный, скромный. Если бы не его страсть вернуть магию и как результат два попадания в лечебницу, я бы назвала его ещё и умным...

Теперь же Итрем бесцеремонно схватил меня за руку, сжал её и даже неловко приобнял, будто встретил не давнюю знакомую, а горячо любимую родственницу.

— Марти! — лихорадочно зашептал, утаскивая меня в узкую подворотню между домами. — Он сделал меня магом! Я умею колдовать!

Сначала меня возмутила его фамильярность. Какая я тебе «Марти»? Так меня называли только близкие, а юный отпрыск Умара им уж точно не был. Но уже в следующую секунду до меня дошёл смысл его слов.

Ремо вернул ему магию? Как?! Он же сам говорил, что приказ вшит в генетический код. Даже мой отец, выполнив условие богов «умрёшь — обретёшь», сам не стал магом, а просто передал этот код мне, своему ребёнку.

Пришелец умеет это делать? На смену изумлению пришёл страх. Тогда победить Ремо будет невозможно. Таких «итремов», жаждущих стать магами, в Альтее сотни...

— Я маг! — в голосе парня звенел восторг, который не скрыть ничем. — Смотри!

Он шевельнул губами, беззвучно произнеся, кажется, «умар» — свет, — и его пальцы озарились ровным белым сиянием. Я потрясённо выдохнула.

— Ремо пообещал мне вернуть магию, если я пойду с ним, и вернул! — Парень сиял, как начищенный золотой.

Мальчишка. Восторженный, ослеплённый первым чудом, которое получил в руки. Но одно отрицать было трудно: Ремо сдержал слово, что говорит о нём как о порядочном человеке. А верными вассалами становятся именно так — когда правитель выполняет обещания, данные своим людям.

— Пообещай, что не скажешь ему, что видел меня, — тихо попросила я.

Итрем посмотрел на меня внимательнее, в его взгляде мелькнуло что-то снисходительное.

— Марти, Ремо станет королём, — сказал он. — И по праву. Он достоин этого. Он сильнее любого ария в нашем мире. Он такой умный, он столько умеет...

— Пообещай, — твёрдо повторила я, прервав его восхваления.

Я не хотела воздействовать своей магией на мальчишку, не хотела ломать его волю, за два дня успела устать от неискренней влюблённости и бесконечных «таро».

— Ладно, обещаю, — криво усмехнулся он. — Но он всё равно узнает. Он всегда всё узнаёт, — добавил многозначительно.

— Где держат Алана? — резко спросила я, не желая спорить ни о Ремо, ни о пределах его власти.

— В подвалах ратуши, — ответил парень. — Ты не сможешь его освободить. Его охраняют гвардейцы Майо, даже мне туда ходу нет.

Итрем так легко говорил о кронпринце, что мне стало неприятно. Неужели, ему плевать на наследника престола? Хотя, о чём это я... дружбы между ним и Аланом не было никогда. Они учились на одном курсе и постоянно конфликтовали в академии. А однажды после того, как Итрем вышел из лечебницы после неудачной попытки вернуть магию, Алан при всех в столовой назвал его безмозглым идиотом.

Да, вряд ли моя магия способна так повлиять на нескольких человек, чтобы они открыли тюрьму и выпустили парней. Проверено на Романе. В лучшем случае они потеряют голову, потянутся ко мне с ненужной преданностью, с объятиями, поцелуями, а толку от этого не будет никакого.

— И это... — наследник Умара замялся, — не удивляйся, если всё-таки доберёшься. В камере только Алан. Больше никого.

— Почему? — я не поняла. — Остальных держат отдельно?

— Остальные примкнули к Ремо, — ответил Итрем с тихой гордостью за своего кумира.

Я хмыкнула. Это была издёвка, не иначе. Потому что пришелец мог легко воздействовать и на Алана тоже, перетянуть его на свою сторону, но не захотел. Или выжидает, чтобы нанести последний удар королю? Ведь что может быть страшнее предательства родного сына?

Попрощавшись с Итремом, я направилась к ратуше. Здание встретило меня враждебностью: у массивных дверей застыли гвардейцы, окна первых этажей забраны в решётки, а балкон оказался недостижимым — слишком высоко, чтобы залезть на него без лестницы и поломанных ног. Обогнув ратушу, я свернула в узкий переулок. Толстые глухие стены были абсолютно гладкими — ни водосточных труб, за которые можно зацепиться, ни выступов для опоры. Здесь тоже дежурил патруль.

У меня не было ни единой мысли, как попасть внутрь. А ведь казнь уже близко. Вздохнула и поплелась вдоль улицы, надеясь на то, что мозг всё-таки сообразит, как обойти эту каменную ловушку. Или... на милосердие Ремо.

Глава 5

Я обошла городок всего за час. Он оказался совсем небольшим: десяток улиц, разбегающихся кто куда — то параллельно главной, то нелепо пересекая её под странными углами, будто застройкой никто никогда толком не занимался. Здесь было всего три трактира, один храм, одна школа и одна лечебница — крошечная, одноэтажная, ветхая, словно не знавшая ремонта долгие годы. Впрочем, школа выглядела ничуть не лучше.

И это особенно резало глаз, потому что я точно помнила: три года назад сама участвовала в распределении средств на восстановление всех муниципальных учреждений. Деньги были выделены. Немалые. Так куда же они исчезли?

Хотя, о чём я спрашиваю? Если последние приговоры в Верховном суде выносили сплошь проворовавшимся чиновникам. Порой мне казалось, что чем спокойнее и благополучнее живёт страна, тем пышнее и увереннее расцветает коррупция.

Немного потолкавшись на рынке, я послушала местные сплетни, перекусила пирогами с мясом и зеленью у открытого прилавка. Как ни странно, жизнь вокруг текла своим чередом, будто никакого военного положения и не существовало. Люди смеялись, спорили, торговались, ругались, мирились, даже целовались — буднично и естественно.

Солдат было немного. Вероятно, основные силы всё же стояли за воротами. Но стоило мне краем глаза заметить серо-синий мундир королевской гвардии, как я невольно вздрагивала, инстинктивно отступала в сторону и старалась затеряться за спинами прохожих.

— Не бойся, девонька, — заметив мои нервные движения, сказала пожилая женщина, торговавшая пирогами. — Ты хоть хорошенькая, как картинка, но они теперь смирные, не тронут.

— Откуда вы знаете? — спросила я.

— Так два дня назад двух насильников повесили на площади, — спокойно ответила она. — Показательно, при всех. С тех пор солдаты поутихли. Теперь к девкам и близко не лезут, стороной обходят.

Ну да, конечно. То-то я вчера видела, какими «обходительными» были ухаживания герра Романа. Впрочем, на офицеров такие запреты вряд ли распространяются.

— Значит, в городе поддерживают нового короля? — сухо поинтересовалась я.

— Да нам-то без разницы, кто на троне сидит, — хохотнула торговка. — Мы-то и нынешнего короля в глаза ни разу не видели.

Вот она, простая и беспощадная истина.

Без разницы.

А я ведь знала, сколько сил Эдвард отдаёт Альтее. Сколько часов уходит на советы, указы, налоги, торговые соглашения, бесконечные переговоры и дипломатические письма. Я видела, как он ночами не спит, споря до хрипоты с министрами, добиваясь решений, которые могли бы принести стране пользу. Всё — ради государства, ради народа.

А народу, выходит, без разницы.

Может, в этом и смысл: когда всё хорошо, это не обязательно видно, а доброта и настоящая забота не нуждаются в демонстрации.

Я задумчиво прошлась по рядам, выбирая сменную одежду, печалась, что выбрать-то особо и не из чего. Да... увидел бы меня сейчас кто-нибудь из дворца. Я, тратившая по десять золотых на одно платье, теперь купила весь гардероб за одну монету, и то только потому, что у торговца не было сдачи. А так, вся одежда не стоила даже четверти золотого. Переоденусь в эти тряпки и от блистательной арии Хорн не останется и следа.

Разговоры среди местных все были одинаковыми — по большей части пустыми и бесполезными: не слишком удачный прошлогодний урожай; у какого-то Прохи старшая дочь соби-

рается замуж, а жених сбежал на север; корова вдовы Фран отелилась двумя телятами, что в последний раз случалось ещё при прежнем короле и всё в таком роде.

Я пошла назад к ратуше, и уже на середине пути услышала странный шум. Внимательно прислушалась: с юга доносились далёкие приглушённые хлопки, похожие на грохот камнепада где-то в горах. Но с каждой секундой они становились всё громче, и вдруг до меня дошло: это выстрелы.

Разом заржали лошади, впряжённые в повозки, одним махом взлетели все птицы с крыш. А потом я увидела жителей, бегущих по улицам прямо к нам.

Я не успела даже понять, что происходит. Просто глупо стояла и смотрела, как в дом через дорогу врзалось ядро и снесло крышу. Изнутри с криками выбежала семья: мужчина, женщина и двое подростков. Лицо женщины было залито кровью — должно быть, её щёку рассекло осколками разбитого стекла.

Кто-то испуганно визжал, кто-то рыдал, кто-то громко ругался... Улица погрузилась в хаос. Взрывы гремели уже рядом — мощные, оглушительные, больно бьющие по ушам, заставляя содрогаться от каждого раската. Люди торопились, спотыкались, падали, женщины тащили детей за руки, не разбирая дороги, какой-то мужчина собирал разбросанные вокруг вещи...

Я оцепенела. В голове не было ни одной мысли: куда бежать, где прятаться? Да и имело ли это смысл? Жители в панике неслись через рынок к северным воротам, я же осталась на месте. Меня толкали, кто-то грубо отшвырнул к стене, чтобы не загораживала дорогу, а я всё ещё не могла поверить, что оказалась в самом эпицентре бомбёжки.

Глаза слезились, от пыли было нечем дышать, повреждённый от удара о камень локоть пульсировал болью. И только одна мысль, вбитая в голову за последнюю неделю десятками разных голосов, снова и снова звучала внутри: «Это война, детка...».

И вдруг небо накрыла тень. Над городом пролетел шаттл. Никогда прежде я не видела его так близко... и это было страшно, по-настоящему страшно. После него даже огромные дирижабли, которые не так давно начали массово выпускать, казались неуклюжими и безобидными детскими игрушками.

Шаттл был меньше дирижабля, но таким чуждым, с ломаными, непостижимыми очертаниями и сверкающей до рези в глазах обшивкой, что от одного его вида хотелось упасть на колени и начать истово молиться.

Он шёл низко, совершенно бесшумно, и на фоне грохочущих вокруг взрывов это пугало сильнее всего. Меня охватил суеверный ужас перед чем-то потусторонним, могущественным и да... божественным.

Летающая громадина скрылась вдаль, и через несколько минут взрывы стихли. А ещё через час в город вошли королевские ударные отряды — с повозками, на которых везли пушки. И все, решительно все — от солдат до мирных жителей — без конца славил Ремо...

Я стояла в тени палисадника у одного из оставшихся целым домов и смотрела, как по брусчатке, чеканя шаг, движутся ровные ряды мушкетёров; как рядом с конными частями следуют мобильные артиллерийские расчёты — новейшие отряды, совсем недавно появившиеся в королевстве. И мысленно снова и снова спрашивала: «*Что же вы наделали, Ваше величество?*»

Как можно пытаться убить артиллерией одного-единственного человека в городе? Это всё равно что палить из пушки по воробью. Они снесут дома, погубят десятки невинных людей — но едва ли попадут в того, кто действительно нужен.

Эдвард совершил чудовищную ошибку. Это было отчаяние — слепое, гибельное отчаяние человека, загнанного в угол. Дойдя до предела, король не сумел найти иного выхода и вновь выбрал ошибочный путь.

Со всей толпой я направилась на площадь. Она серьёзно пострадала. Брусчатка была перерыта воронками от ядер, у храма снесло шпиль, крыша гостиного двора обрушилась. Фонтана тоже не наблюдалось, на его месте сейчас находилось небольшое озеро с бьющей вверх

струей воды. Я больше всего переживала за ратушу, где держали пленных, но у неё только развалило балкон и повредило глухую стену, обращённую во двор.

Одна трибуна на краю площади осталась цела, может быть потому, что была деревянной и небольшой. Ремо уже стоял там, на возвышении, вместе с генералом Майо. Внизу за их спинами стояли молодые арии: Итрем Умар, Том Зорг, Горн и Мару.

Первым слово взял бывший главнокомандующий Альтеи.

— Жители Фареса! Вы только что видели своими глазами, как Его величество Эдвард Рем Шестнадцатый приказал стрелять по мирным жителям! Король боится нас! Король в панике! Нам нужен новый король! Это, — генерал отошёл чуть в сторону и низко поклонился пришельцу, — настоящий Ремо. Новый бог...

Людские крики заглушили дальнейшие слова Майо. Я смотрела на худую длинную фигуру чужака, его безразличное лицо, не выражающее ни радости, ни сожаления, и не могла отделаться от мысли, что лично Ремо не нужно ничего, ему плевать и на корону, и на Альтею, и на её жителей.

Пришелец показался мне больным. Вернее, таким, будто он из последних сил сдерживает рвущийся изнутри крик. Неестественный, напряжённый, сжавшийся в тугой комок. И только кожа, натянутая на скулах, не давала этому крику вырваться наружу.

Когда генерал закончил восхвалять Ремо, тот шагнул вперёд и сказал бесстрастно:

— Сегодня вечером на закате состоится казнь принца Алана Рема.

Развернулся и скрылся за спинами ариев.

Через полчаса улицы городка заполнили солдаты — их было невообразимо много, сотни, десятки сотен. Они разбирали завалы, расчищали мостовые, выносили уцелевшие вещи из повреждённых снарядами домов...

Разрушений, конечно, могло быть куда меньше, если бы на подступах к городу выставили сторожевые посты, способные вовремя заметить приближение королевских отрядов. Но этого не сделали. Итогом стали две семьи, погребённые под обломками, и десятки раненых. Ладно Ремо — он не военный. Но Майо? Майо был обязан позаботиться о разведке. Беспечность генерала слишком дорого обошлась жителям Фареса. И всё же меня не отпускала другая мысль: а что, если в этом и был смысл? Что, если королю позволили ударить по городу намеренно? Чтобы показать, каким жестоким правителем является Эдвард Рем, способным подвергнуть опасности собственных подданных?

Уверена, что телеграммы, описывающие сегодняшнюю бомбёжку, уже летят в разные газеты и будут опубликованы немедленно.

Я ещё раз воспользовалась своей силой. Зашла в более-менее приличный дом на окраине, у рынка, очаровала хозяйку, попросилась на постой. Женщина приняла меня так тепло, словно я была ей не чужой, а дорогой и давно любимой сестрой. Она без колебаний уступила мне свою спальню, принесла тёплой воды для умывания и пригласила к столу. Хорошо ещё, что сумку с одеждой в этой кутерьме не потеряла — не пришлось ещё и платье выпрашивать.

К счастью, её мужа не оказалось дома — как и остальные мужчины городка, он помогал разбирать завалы после недавнего обстрела.

Мне было немного стыдно пользоваться своим даром таким образом. Это чувство смягчало лишь то, что, уходя, я снова оставила на столе золотой — плату более чем щедрую и за отдых, и за сытный обед.

Когда я пришла на площадь, там уже стоял помост с виселицей. Широкий, грубо сколоченный, где-то с человеческий рост высотой, стоящий на толстых бревенчатых опорах, с приставленной к нему лестницей. Выглядел он пугающе. Я хорошо помнила свой детский страх перед такими вот помостами. И пусть после моей истерики в четырнадцать лет король, уступив маминым мольбам, отменил публичные казни для обычных преступников, оставив их лишь

для тех, кого считали угрозой государству — вроде ария Тито, этот страх никуда не делся. Слишком глубоко въелся.

Вокруг виселицы собиралась толпа — зеваки, пришедшие полюбоваться казнью крон-принца, будто это не трагедия, а долгожданное представление! Но самым чудовищным было другое: в их глазах читалось злорадство. Похоже, в любом уголке мира живут люди, для которых чужая беда становится поводом для радости, лишь бы она не коснулась их самих.

Да, народ Фареса обозлён, многие лишились домов, а некоторые и жизнью. Где та грань, что отделяет справедливость от мстительного удовлетворения, скорбь от желания причинить боль другому? Ответ был перед моими глазами: её не существует.

Алана вывели, когда солнце коснулось горизонта. Он шёл к помосту один, без охраны, как настоящий наследник престола: сдержанный, гордый, с высоко поднятой головой. И только бледная кожа и тени под глазами выдавали его усталость.

Я стояла в тени дерева за спинами жителей Фареса, не отрываясь смотрела на своего друга, и моё сердце обливалось кровью.

Перед глазами вспыхивали обрывки воспоминаний, яркие, как живые картины: вот десятилетний Алан, дерзкий и решительный, посреди шумного бала уверенно заявляет: «Ты станешь моей женой». Вот я случайно возвращаюсь с суда раньше и застаю его в своём кабинете, где он ставит цветы в вазу на моём письменном столе. А я всегда считала, что их приносила горничная.

— Чтобы тебе не было грустно на работе, — оправдывается юный принц, — чтобы ты видела красоту рядом с собой.

Тогда я буркнула что-то раздражённое и злое, уже не помню что. Зато помню, что, когда Алан ушёл, долго трогала лепестки и любовалась распустившимися бутонами.

И совсем недавно — тихий вечер на крыше: он так трепетно заботился обо мне, наполнял бокал, незаметно подкладывая в тарелку самые лакомые кусочки.

Сколько раз он встречал меня после изматывающих судебных заседаний, был рядом на балах и дипломатических встречах, терпеливо выслушивал мои горькие тирады о «женихах от короля», поддерживая и успокаивая своей робкой любовью. И я эгоистично пользовалась его чувствами в своё удовольствие.

С собственным братом я никогда не была так близка, как с Аланом. И теперь, глядя, как он идёт навстречу виселице, я твёрдо знала: я сделаю всё возможное, чтобы спасти его. Даже если для этого придётся самой шагнуть в логово врага и отдать себя в его руки.

Алан ступил на помост, и одновременно с ним я двинулась через толпу в его сторону. Не собираюсь ждать, пока ему накинута верёвка на плечи, пусть все видят его таким — сильным и гордым. Принц увидел меня сразу. Его глаза изумлённо расширились, а следом за удивлением в них вспыхнул страх. Он подбежал к краю и громко закричал:

— Нет! Марта, нет! Не смей меня спасти таким способом! Уходи!

Все вокруг обернулись в мою сторону. Я ни на кого не смотрела, шла вперёд, не сводя глаз с единственного человека, который сейчас имел для меня значение. Дошла до виселицы и вскинула подбородок.

— Я выполнила условия Ремо! Он обещал не трогать королевскую семью, если я добровольно вступлю под его знамёна.

Пришельца рядом не наблюдалось. Или он стоял в стороне, за помостом, или вообще решил не присутствовать на казни. Зато генерал Майо не растерялся. Быстро поднялся к виселице, встал рядом с Аланом и уверенно объявил:

— Рем Шестнадцатый исполнил приказ нового бога! Он подчинился и прислал арию Хорн, как и требовал Крэ-Мир-Тоба! Слава Ремо, слава новому королю, слава нашему повелителю...

На площади поднялась суматоха. Шумели жители, которых лишили обещанного развлечения; что-то кричал Алан — его забрали и увели вниз гвардейцы; радовался генерал, вещая с помоста — о слабости нынешнего короля, о силе нового бога, о грядущих переменах, которые должны смыть прошлое... Но его слова долетали до меня будто сквозь толщу воды.

Вокруг меня образовалась пустота. Толпа отхлынула, узнав знаменитую арию Хорн, гвардейцы расступились, и я внезапно осталась одна у возвышения. Оглушённая, раздавленная. Пришла, выполнила все условия, унизилась... и оказалась никому не нужна.

Голова плыла. За этот день на меня обрушилось столько боли, что чувств не осталось, их выжгло дотла. Моя жизнь висела на волоске: я стояла в самом центре обстрела, земля дрожала под моими ногами, и смерть проносилась мимо, обжигая ледяным дыханием. Но самым страшным было другое — видеть Алана за минуту до казни.

И вдруг из пустоты вынырнула рука, чужая, холодная, будто сотканная из мрака. Пальцы сомкнулись вокруг моего запястья и потащили под помост.

Ремо молча прижал меня к опоре, низко склонил голову, упираясь лбом в мой лоб. Он был горячим, как печка, тяжело дышал, словно долго и быстро бежал на пределе сил. Пальцы впились в дерево по обе стороны от моей головы, перекрывая путь к отступлению. Он зажмурился, пытаясь унять дрожь, рвано выдохнул мне в губы, а потом... начал целовать. Жадно, алчно, захлебываясь, глотая мои вздохи, как воду измученный жаждой путник, который уже не верил, что найдёт источник.

Вторая рука легла мне на затылок, жестко фиксируя, не позволяя отстраниться. Колени под ним дрогнули, он всем весом навалился на меня, впечатывая в опору, и глухо застонал — отчаянно, незащитно, окончательно теряя контроль.

Его губы были сухими и твёрдыми, в них не чувствовалось ни нежности, ни ласки, лишь жгучая потребность, словно сейчас через этот поцелуй он впитывал в себя мою жизнь, мою силу, моё тепло. И я отвечала так же — зло, безрассудно, вкладывая в этот поцелуй всю свою ярость и страх, не уступая ему ни в жажде, ни в желании.

Возможно, нас кто-то видел, кто-то осуждал, злословил. А может быть, никому не было никакого дела до двух странных особ, намертво вцепившихся друг в друга.

— Ваше величество, — рядом раздался недовольный голос генерала Майо. Я вздрогнула так, словно меня окатили ледяной водой. — Что прикажете делать с принцем?

Мы отстранились не сразу, тяжело, через силу, медленно приходя в с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.